

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

На этих страницах я предполагаю обсудить (иногда пунктирно) те проблемы, в решение которых мне удалось внести больший или меньший вклад¹. Начну с **дихотомической концепции языка - речи**. Эту концепцию разделяет подавляющее большинство зарубежных и отечественных языковедов: В. Гумбольдт, Бодуэн де Куртинэ, Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, А. Гардинер, С. О. Карцевский, Р. О. Якобсон, Э. Косериу, П. С. Кузнецов, Т. П. Ломтев, И. Смирницкий, С. Д. Кацнельсон, В. А. Звегинцев, Б. В. Беляев, Ю. С. Маслов, А. И. Моисеев, Г. П. Мельников, В. Я. Мыркин, З. Панфилов, В. М. Солнцев, Ю. М. Скребнев, И. П. Распопов, Н. А. Слюсарева и мн. др.² Отрицают ее немногие. Это, например, Г. Шухардт, А. С. Чикобава, А. Г. Волков, А. Г. Спиркин, Г. В. Колшанский, Г. П. Щедровицкий, П. С. Шарадзенидзе и некоторые другие.

Итак, по мнению абсолютного большинства современных языковедов, психологов и других специалистов, язык - это «стихийно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система дискретных (членораздельных) звуковых знаков, служащая для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире» (Рус. яз.: Энци., 1979, с. 410), а речь - это «конкретное говорение, происходящее в звуковой (включая внутреннее проговаривание) или письменной форме. Под Р. принято понимать как сам процесс говорения, так и результат этого процесса, т. е. и речевую деятельность и речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом» (Там же,

¹ См. мою книгу «Мифы современной лингвистики». - Новосибирск, 2010.

² См. также мои работы: Язык и речь. - Новосибирск, 1990. Мифы современной лингвистики. - С. 8-22.

с. 255). Речь - это и процесс говорения (речевые акты), и речевой материал (результат процесса говорения, речевое произведение). Речевой материал, закрепленный на письме, - это текст. Иногда словом текст называют речевой материал, не зафиксированный на письме, что, однако, нежелательно. Язык и речь «в совокупности образуют единый феномен языка. Р. есть воплощение, реализация языка... который обнаруживает себя только в Р. и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение» (Там же). Можно сказать, что язык и речь - это два состояния одного феномена. Язык - это статика, речь - динамика. Язык и речь можно сравнить с анатомией и физиологией.

Понятия языка и речи являются фундаментальными понятиями современного языкознания. Как я уже сказал, отрицают правомерность противопоставления языка и речи немногие. И без оснований.

О гипотезе «саморазвития» языка и о т. н. «синергетике»

По вопросу о факторах (причинах) развития языка в современной лингвистике существуют три точки зрения³.

Первая из них заключается в том, что все изменения в языке обусловлены экстралингвистическими причинами (А. Мейе, А. Соммерфельт, У. Ш. Байчура). Вторая, противоположная точка зрения все изменения языка объясняет исключительно внутренними причинами. Наконец, третья точка зрения исходит из того, что существуют и внешние, и внутренние причины развития языка⁴.

К числу внешних причин языковых изменений относят экономические, политические, идеологические, научно-технические преобразования, миграцию населения, влияние других языков и т. д. К числу внутренних причин языковых изменений Б. А. Серебренников относит: «приспособление языкового механизма к физиологическим особенностям человеческого организма», «не-

³ См., напр.: Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. - М., 1970. - С. 218-283;

⁴ См.: Общее языкознание. - С. 218 и д.

обходимость улучшения языкового механизма», «необходимость сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности» и «внутренние языковые изменения и процессы, не связанные с действием определенных тенденций». В рамках этих причин Б. А. Серебренников выделяет следующие тенденции: к облегчению произношения, к выражению разных значений разными формами, к выражению одинаковых или близких значений одной формой, к созданию четких границ между морфемами, к экономии языковых средств, к ограничению сложности речевых сообщений, к изменению фонетического облика слова при утрате им лексического значения, к созданию языков простой морфологической структуры, к устранению избыточности средств выражения, к употреблению более экспрессивных форм, к устранению форм, утративших свою исконную функцию, к устранению языковых элементов, имеющих незначительную семантическую нагрузку, влияние формы одного слова на форму другого слова, контаминация, объединение разных по происхождению форм по принципу единства их значения», возникновение новых способов выражения в результате перемещения ассоциаций, спонтанные изменения звуков, исчезновение и возникновение фонологических оппозиций, переосмысление значений форм и превращение самостоятельных слов в суффиксы.

Не нужно быть Эйнштейном, чтобы понять, что все так называемые внутренние причины языковых изменений, названные Б. А. Серебренниковым, таковыми не являются. Ни «приспособление языкового механизма к физиологическим особенностям человеческого организма», ни «необходимость улучшения языкового механизма», ни «необходимость сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности» никак нельзя считать внутренними причинами языковых изменений. Приспосабливать языковой механизм к физиологическим особенностям человеческого организма, сохранять и улучшать механизм языка может только человек. Не являются внутренними причинами языковых изменений и те многочисленные тенденции, которые названы Б. А. Серебренниковым и перечислены выше, в том числе:

«тенденция к облегчению произношения», «тенденция к экономии языковых средств», «тенденция к ограничению сложности речевых сообщений», «тенденция к устранению избыточности средств», «тенденция к употреблению более экспрессивных форм», «переосмысление значений форм» и др. Все эти тенденции характеризуют не внутренние законы развития языка, его «потребности» и «стремления» (у языка их нет), а потребности и стремления говорящего человека, его волю, сознание, психику. Именно и только мыслящий и говорящий человек стремится к облегчению произношения, к экономии языковых средств, к устранению их избыточности, к ограничению сложности речевых сообщений, к употреблению более экспрессивных форм; именно и только он переосмысляет языковые формы; познавая мир, обнаруживает черты сходства между предметами и осуществляет перенос наименования с одного предмета на другой, порождая полисемию, обогащая, развивая содержание языка.

Л. П. Крысин внутренними стимулами развития языка называет принцип экономии, «закон аналогии», антиномии говорящего и слушающего, системы и нормы, кода и текста, регулярности и экспрессивности⁵. Однако принципы и тенденции относятся не к содержанию (устройству) языка, а к содержанию мыслительной деятельности человека и должны быть признаны факторами экстралингвистическими.

Язык не является субъектом, инициатором какого-либо действия, процесса, изменения. Это не субъект, а объект человеческой деятельности, средство, орудие общения людей. Он возникает, существует и развивается в обществе, благодаря постоянному использованию людьми. Пока существует общество, существует и обслуживающий его язык. Если то или иное общество (народ) уходит с исторической арены, то уходит с исторической арены и обслуживавший его язык. Он или полностью забывается (исчезает), или сохраняется в форме мертвого языка, т. е. языка, зафиксированного в текстах, а не в сознании всех представителей данного

⁵ Крысин Л. П. О внутренних и внешних стимулах развития языка // Рус. яз. в школе. - 1972. - № 3. - С. 71.

народа, языка, не используемого в естественной коммуникации.

Из всего сказанного следует, что язык не может «саморазвиваться», т. е. развиваться спонтанно, самопроизвольно, сам по себе, безотносительно к человеку и социуму. Любое изменение языка (на любом уровне, в том числе и на фонетическом) связано с его использованием, с его непрерывным воспроизведением, и объясняется разнообразными экстралингвистическими (экономическими, научно-техническими, политическими, культурными, биологическими, физиологическими, психологическими и другими) причинами. Если бы языки «саморазвивались», они были бы безразличны к их носителям - людям и никогда бы не умирали. Наличие мертвых языков - бесспорное доказательство того, что «саморазвиваться» языки не могут, что внутренних причин развития в языке нет⁶.

Итак, первопричина любого изменения языка всегда лежит вне языка, имеет экстралингвистический характер. Появившись в той или иной точке пространства языка, языковая инновация благодаря речевой практике говорящего коллектива последовательно распространяется по всему пространству языка или на его отдельном участке, в рамках той или иной микросистемы. Эти обусловленные внешними причинами регулярные (более или менее регулярные) изменения языка в фонетике, морфологии, синтаксисе и т. д. можно называть законами языка. Вспомним аканье, иканье, закон конца слова и т. п. Но их не следует называть «внутренними законами развития языка».

Переформулировкой гипотезы развития языка по его «внутренним» законам является так называемая «лингвосинергетика». «Лингвосинергетика» - это синергетика, перенесенная в лингвистику. Синергетика же — это «современная теория самоорганизации, новое мировидение, связываемое с исследованием феноме-

⁶ См.: Байчура У. Ш. О некоторых факторах языкового развития // Проблемы языкознания. - М., 1967. - С. 105-106; Гак В. Г. От хаоса к порядку и от порядка к хаосу («Анархия мать порядка, порядок отец анархии») // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуал. поля порядка и беспорядка. - М., 2003. - С. 287; Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание - М., 1979. - С. 248.

нов самоорганизации, нелинейности, неравновесности, глобальной эволюции, изучением процессов становления “порядка через хаос” (Пригожин), бифуркационных изменений, необратимости времени, неустойчивости как основополагающей характеристики процессов эволюции. Проблемное поле С. центрируется вокруг понятия “сложность...”⁷. Синергетика «выступает как основание новой эпистемологии»⁸.

Итак, синергетика - это «современная теория самоорганизации». Уточним это понятие.

В толковых словарях до самого последнего времени слова *самоорганизация* не было (что свидетельствует об отсутствии соответствующего понятия). Впервые оно появилось в «Большом толковом словаре русского языка» (СПб., 1998). Оно характеризуется здесь как «упорядочение каких-либо систем, обусловленное внутренними причинами, без воздействия извне». В «Новой философской энциклопедии» говорится, что это «процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершается организация сложной динамической системы»⁹. «Свойства самоорганизации обнаруживают объекты различной природы: клетка, организм, биологическая популяция, биогеоценоз, человеческий коллектив и т. д.»¹⁰ «Отличительная особенность процессов самоорганизации - их целенаправленный, но вместе с тем естественный, спонтанный характер: эти процессы, протекающие при взаимодействии системы с окружающей средой, в той или иной мере автономны, относительно независимы от среды»¹¹.

Однако ни факты, ни логика не подтверждают гипотезу самоорганизации. Можно ли согласиться с тем, что клетка, мозг, почка, печень, сердце, сердечно-сосудистая система, организм, вид, семейство, популяция, разнообразные человеческие коллективы,

⁷ Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. - Минск, 1999. - С. 618.

⁸ Там же.

⁹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. - М., 2001. - Т. 3. - С. 487.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

общество, транспорт, экономика, образование, графика, алфавит, орфография, азбука Морзе, система дорожных знаков и другие системы «саморазвиваются», т. е. развиваются сами по себе, спонтанно, вне зависимости от окружающей среды? Конечно, нет. Любая система погружена в определенную среду, оказывающую на нее большее или меньшее влияние. Число причинно-следственных связей каждого предмета необычайно велико, а нередко уходит в бесконечность. Ученый, изучающий тот или иной предмет, ту или иную микросистему, должен учитывать не только внутренние связи ее элементов, но и их внешние связи, все их связи и взаимозависимости. В противном случае он искажает реальное положение вещей. Рассмотрим это на примере понятия «мозг», являющегося главным героем книги Г. Хакена и М. Хакен-Крелль «Тайны восприятия: синергетика как ключ к мозгу» (М.; Ижевск, 2002). В аннотации к ней говорится: «Синергетика - это созданная Германом Хакеном наука о взаимодействии. (Имеется в виду взаимодействие элементов мозга - нейронов. - Ю. Ф.) Главная идея этой книги такова: человеческий мозг является самоорганизующейся системой». Но из факта взаимодействия элементов мозга не вытекает, что мозг является самоорганизующейся системой, возникновение, существование и развитие которой не связано с окружающей средой. Мозг не только не отделен от окружающей среды - он зависит от нее, отражает ее, связан с ней бесчисленными нитями. Взаимодействуют не только элементы мозга - нейроны, но и нейроны (и мозг в целом) с окружающей средой. Ключ к мозгу (и к любому другому объекту) - не «синергетика», а учет всех его связей и взаимодействий. Все существующие описания человеческого мозга (а также почки, печени, сердца и всех остальных объектов) подтверждают это положение.

Известно, что каждая система имеет определенный срок существования, т. е. конечна. Обобщая, можно сказать, что система прекращает свое существование тогда, когда деструктивное влияние среды достигает критической точки, когда количество переходит в качество. Конечность всех систем тоже свидетельствует о их неразрывной связи с окружающей средой.

В характеристике процесса самоорганизации «синергетики» впадают в кричащие противоречия, свидетельствующие о неадекватности обсуждаемой гипотезы: с одной стороны, процесс самоорганизации - «спонтанный», с другой - «целенаправленный»; с одной стороны, процессы самоорганизации «в той или иной мере автономны, относительно независимы от среды», с другой стороны - «протекают при взаимодействии системы с окружающей средой». Гони природу в дверь - она влетит в окно.

Итак, ни одна система не является самоорганизующейся (саморазвивающейся), не развивается сама по себе, спонтанно, безотносительно к среде. Тем более не является самоорганизующейся системой язык, что вынуждены признавать даже энтузиасты «синергетики». Например, В. А. Пищальникова, с одной стороны, полагает, что самоорганизующийся характер языка - вещь очевидная (хотя при этом не приводит ни одного языкового факта, который бы подтверждал эту гипотезу), с другой стороны - пишет о воздействии на язык «практически неисчислимого количества факторов социальной, психофизиологической и психофизической природы...»¹². Число работ, в названиях которых фигурирует слово *синергетика* (*синергетический*, *лингвосинергетика*) постоянно растет, но ни в одной работе т. н. «синергетика» не привела к получению новых научных результатов. «Лингвосинергетика» остается декларацией, гипотезой, не опирающейся на факты и не имеющей будущего. Декларативный, спекулятивный характер «лингвосинергетики» подтверждает Р. Г. Пиотровский: «Лингвисты и информатики пока не столько уверены, сколько подозревают (? - Ю. Ф.) или скорее догадываются (? - Ю. Ф.), что функционирование и развитие языка в целом и РМД отдельного человека подчинены таинственным (! - Ю. Ф.) механизмам саморегуляции и самоорганизации»¹³. «...Синергетика — это Х-наука», - признается В. И. Аршинов¹⁴.

¹² Пищальникова В. А. Речевая деятельность как синергетическая система // Изв. Алт. гос. ун-та. - Барнаул, 1997. - № 2. - С. 73.

¹³ Пиотровский Р. Г. О лингвистической синергетике // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. - 1996. - № 12. - С. 11.

¹⁴ Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. - М., 1999. - С. 19.

Является ли правописание «саморазвивающейся системой»?

Обсуждая «новый свод правил русского правописания», В. В. Лопатин выдвинул мысль о том, что правописание является «саморазвивающейся системой»¹⁵. Так ли это? Вспомним, что саморазвитие - это самопроизвольное изменение системы (вещи), определяемое ее внутренними законами (противоречиями), а не внешними факторами, не волей активного субъекта. Можно ли приписать саморазвитие правописанию? Саморазвивающейся системой не является даже язык, поскольку все его изменения (не только на уровне лексики, но и на уровнях грамматики и даже фонетики/фонологии) обусловлены экстралингвистическими причинами (изменениями в экономической, политической, идеологической и т. д. жизни общества). Если бы язык был саморазвивающейся системой, не было бы мертвых языков. Мертвые языки непрерывно бы «саморазвивались», «не обращая внимания» на уход из истории соответствующего народа - носителя языка, т. е. никогда бы не умирали, оставались живыми. Тем более не является саморазвивающейся системой письмо (графика, алфавит). Оно не возникает, а создается людьми (языковедами) для закрепления на бумаге (или другом подобном материале) звучащей речи. И создается (если создается: известно, что многие современные языки не закреплены на письме) очень поздно, на глазах истории. Создание русского письма относят к 863 или 875 году¹⁶.

Орфография тоже является человеческим установлением. Она появляется (создается) после появления (создания) графики, тогда и в том случае, когда и если правил графики для единообразного письма оказывается недостаточно. На русской почве правила орфографии начинают формироваться в XIV-XV вв.¹⁷, после падения редуцированных и появления многочисленных

¹⁵ Лопатин В. В. О новом своде правил русского правописания // Рус. яз. в школе. - 2001, - №2. - С. 56.

¹⁶ Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С. 222.

¹⁷ См.: Осипов Б. И. Учителю об истории русского письма: учеб. пособие. - Омск, 1999. - С. 57.

позиционных чередований, отвердения *ж, ш* и *ц*, перехода *е* в *о*, *ѣ* в *е*, возникновения аканья и других изменений в фонетике (фонологии) русского языка. Русская орфография не пошла по пути фиксации позиционных чередований фонем, т. е. стала культивировать фонематические написания. «С середины XVIII в. начинается создаваться теория русского правописания. С этого времени нормы орфографии не только стихийно складываются и затем закрепляются в грамматиках, но и сознательно создаются и перестраиваются»¹⁸. «На протяжении 19 — нач. 20 вв. продолжалась работа по освобождению алфавита от оставшихся в нем дублетных букв и постепенно разрабатывались правила орфографии...»¹⁹. Работа по освобождению алфавита от дублетных букв была завершена реформой 1917-1918 гг. В 1956 году были приняты действующие и в настоящее время «Правила русской орфографии и пунктуации». Это был «первый общеобязательный свод правил, ликвидировавший разнобой в правописании»²⁰. В 2008 году вышли в свет «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник», который «представляет собой новую редакцию действующих “Правил русской орфографии и пунктуации”...»²¹.

Назвав правописание «саморазвивающейся системой», В. В. Лопатин через запятую добавляет: «...требующей регулярной и систематической корректировки, упорядочения с учетом существующей практики письма на основе отслеживания спонтанно происходящих в нем изменений»²². Но эти утверждения несовместимы. Если правописание развивается спонтанно, само по себе, то оно не может (и не должно) регулярно и систематически корректироваться, упорядочиваться. Если же правописание регулярно и систематически корректируется, упорядочивается, то оно не

¹⁸ Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII-XX вв.). - М., 1965. - С. 15.

¹⁹ Русский язык: энциклопедия. - М., 1979. - С. 252.

²⁰ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. - М., 2008. - С. 10.

²¹ Там же. - С. 2.

²² Лопатин В. В. Указ. соч. - С. 56.

развивается, не меняется само по себе. «Саморазвитие» правописания - процесс стихийный, происходящий в практике миллионов, корректировка, упорядочение - процесс сознательный, целенаправленный, осуществляемый специалистами. Если правописание «саморазвивается», развивается стихийно, то это, очевидно, означает, что каждый имеет право на собственный выбор. Однако в таком случае имел бы место недопустимый орфографический разнобой («брошюра», «бращюра», «брошура», «брашура»; «растолкать», «разтолкать», «ростолкать», «розтолкать», «расталкать», «разталкать» и т. д.), который самым негативным образом отразился бы на качестве коммуникации. Но этого разнобоя нет, так как в стране действуют официально утвержденные общеобязательные правила правописания.

Что следует считать знаком языка?²³

Наши рассуждения следует начать с определения знака. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» мы читаем: «*Знак языковой* - материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности; в своей совокупности З. я. образуют особого рода знаковую систему - язык. З. я. представляет единство определ. мыслит, содержания (*означаемого*) и цепочки фонематически расчлененных звуков (*означающего*). Две стороны З. я., будучи поставлены в отношение постоянной опосредованной сознанием связи, составляют устойчивое единство, к-рое посредством чувственно воспринимаемой формы знака, т. е. его материального носителя, репрезентирует социально приданное ему значение; только в единстве и взаимосвязи двух сторон З. я. сознанием “схватывается”, а знаком обозначается и выражается определ. “кусочек действительности”, вычлененные факты и события»²⁴.

Из этого определения следует, что знаком (единицей) языка является слово (и фразеологические обороты - сращения и един-

²³ См.: Фоменко Ю. В. Мифы современной лингвистики. - С. 23-50.

²⁴ Лингвистический энциклопедический словарь. - С. 167.

ства). Все остальные факты языка (языковые образования) под это определение не подходят и претендовать на статус единицы языка не могут. Как ни странно, многие языковеды (в наши дни!) называют единицами языка не только слова и фразеологизмы, но и фонемы, морфемы, синтаксические словосочетания и предложения, а также дифференциальный признак фонемы, слог, основу, даже абзац, контекст и интонацию. Продолжая эту линию, единицами (знаками) языка можно было бы называть части речи, члены предложения, грамматические категории и многие другие явления языка. Однако ясно, что такое терминопотребление недопустимо, поскольку искажает реальную картину устройства языка. Для обозначения разных фактов языка следует использовать разные термины (понятия) - *элемент*, *субъединица*, *единица* и *комбинация единиц*. В соответствии со словарными толкованиями будем использовать слово *элемент* в значении «составная часть», слово *единица* - в значении «основной элемент, обладающий определенной самостоятельностью», а слово *субъединица* - в значении «подъединица»; под составным термином *комбинация единиц* будем понимать свободное и временное соединение единиц, не дающее новое качество и не образующее новую, особую единицу.

Поскольку любая система представляет собой некоторое множество взаимосвязанных элементов, постольку элемент системы должен нести в себе некоторые существенные признаки этой системы, а основной элемент (единица) должен обладать «всеми основными свойствами, присущими целому»²⁵. Распространив это положение на язык, мы сделаем вывод, что единица языка обладает всеми основными свойствами языка, его «существенными общими признаками»²⁶, что в языковом знаке «проявляются главные свойства языка»²⁷.

К числу общих фундаментальных свойств языка и его единицы современные языковеды относят субстанциональность (ма-

²⁵ Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Избр. психолог. исслед. - М., 1956. - С. 13.

²⁶ Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. - М., 1956. - С. 13.

²⁷ Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 1974. - С. 93.

териальность), дискретность (прерывность, членораздельность, выделимость, непересекаемость), линейность (протяженность), неоднородность (разнокачественность), иерархичность (предполагающую вхождение менее сложных языковых объектов в состав более сложных), условность (произвольность, немотивированность), системность (которая означает вхождение в ту или иную систему), воспроизводимость (которая означает регулярное использование элемента как готового, заранее данного), исчислимость (которая означает способность быть подвергнутым счету), цельность (неделимость), двусторонность (которая означает наличие у единицы формы и содержания, внешней и внутренней сторон), номинативность (т. е. способность обозначать, называть отдельные объекты) и самостоятельность (т. е. способность допускать изолированное употребление в естественной речи). Фонема, лишенная признаков двусторонности, номинативности и самостоятельности, имеет статус элемента (строительного материала для морфемы и слова), морфема, лишенная признаков номинативности и самостоятельности, имеет статус субъединицы, полужнака (строительного материала для слов), а предложение (высказывание), лишенное признаков номинативности, воспроизводимости и исчислимости, - это свободная комбинация единиц, выполняющая коммуникативную функцию. Синтаксическое (свободное, продуктивное) словосочетание имеет не онтологический, а гносеологический характер. Это не единица языка и не единица речи, а теоретический конструкт, используемый при изучении валентности слов²⁸.

Раздел «Что следует считать знаком языка?» я начал со ссылки на определение языкового знака, фигурирующее в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (автор словарной статьи - А. А. Уфимцева). Это определение не вызывает никаких возражений. Однако с последующей характеристикой знаков (!) языка согласиться невозможно.

²⁸ Более подробно об этом говорится в : Фоменко Ю. В. Мифы современной лингвистики. - С. 23-50.

ЛЭС называет слово «наиболее типичным» знаком языка. Однако если слово - «наиболее типичный» знак языка, то остальные (сколько же их?) должны считаться и именоваться «наименее типичными», «менее типичными», «не вполне типичными», «нетипичными». Но делить знаки на «типичные» и «нетипичные» нельзя.

Морфемы ЛЭС называет полузнаками, а фонемы — фигурами. Термин *полузнаки* не вызывает возражений, а термин *фигуры* кажется не совсем удачным. Ни одна лекса лексемы *фигура* не подходит для обозначения фонемы. Наиболее удачен термин *цемент*. «З. я., — пишет А. А. Уфимцева в ЛЭС, - могут быть расклассифицированы по следующим признакам:

1) *по принципу (способу) знакообразования*: а) знаки первичного означивания... (лексич. морфемы, полнозначные и служебные слова); б) знаки вторичного означивания... [все дискурсивные (речевые) знаки - высказывания].

2) *По законченности /незаконченности процесса порождения законченных высказываний* З. я. могут быть полными (предложения - высказывания) и неполными (слова, словосочетания).

3) *По соотношенности / несоотношенности с актом речи* З. я. (слова, предложения) могут носить виртуальный (потенциальный) и актуальный характер...

4) *По совокупности основных признаков*... словесные знаки разграничиваются на... а) *характеризующие* — полнозначные слова; б) *идентифицирующие* - имена собственные; в) *квантитативные* - числительные; г) *дейктические* - ...личные, указат. и пр. местоимения...; д) *связочные* (реляционные) - предлоги, союзы и т. п.; е) *заместительные* слова - неопредел., вопросит., отрицац. и др. местоимения»²⁹.

После всего сказанного ранее ясно, что эта классификация не выдерживает никакой критики.

²⁹ Лингвистический энциклопедический словарь. - С. 167.

Нельзя выделять полные (высказывания) и неполные (слова и словосочетания) языковые знаки. Знаком языка является только слово (и фразеологизм). Высказывание - это свободная (речевая, авторская) комбинация знаков, выполняющая коммуникативную функцию. Что касается словосочетания, то оно является группой слов, вычлняемых из предложения с целью изучения валентности слов.

Нельзя делить знаки на «законченные» и «незаконченные». Знак – явление стационарное, готовое, а не процессуальное, начинающееся или заканчивающееся. Знак нельзя «начать» и «закончить». Начать и закончить можно только речь, комбинирование (процесс соединения) знаков.

Из сказанного также следует, что нельзя выделять «знаки первичного означивания» и «знаки вторичного означивания». «Знаки вторичного означивания» - это высказывания. Что это вообще такое? Как оправдать это выражение? Можно подумать: означил объект один раз, а потом второй. «Знаки вторичного означивания», по мнению А. А. Уфимцевой, — это высказывания. Но высказывания, как всем давно известно, - не знаки, а свободные и временные комбинации знаков, рассыпающиеся сразу после речевого акта.

Если сначала А. А. Уфимцева называет морфемы «полужнаками», то потом «лексические морфемы» - знаками.

По мнению А. А. Уфимцевой, знаки языка должны делиться по 4-м признакам. На самом деле по этим признакам делются только некоторые знаки. Например, 4-ая классификация распространяется только на словесные знаки. А где же «лексические морфемы», словосочетания и высказывания, которые А. А. Уфимцева относит к знакам?

В построениях А. А. Уфимцевой фигурируют синтаксические словосочетания, но отсутствуют словосочетания фразеологические.

Таким образом, типология знаков А. А. Уфимцевой должна быть сдана в архив.

Содержание слова, значение, понятие, «концепт»

Как мы уже договорились, единицей языка в собственном смысле этого термина является слово (и фразеологический оборот). Слово - номинативная единица языка, служащая строительным материалом для предложения (высказывания). Слово - двусторонняя единица языка. Это значит, что оно имеет внешнюю и внутреннюю стороны, план выражения и план содержания, форму и содержание.

Внутренняя сторона слова представляет собой сложную структуру, включающую в себя 4 компонента: лексическое (денотативное, предметное, вещественное, реальное) значение (ЛЗ, часто - просто значение), грамматические значения (ГЗ, конкретнее — морфологические значения), эмоционально-оценочный компонент / окраска (ЭОК) и стилистический компонент / окраска (СК). Единство всех этих компонентов целесообразно называть термином *содержание*. Это позволит нам избежать того смешения значений термина *значение*, которое наблюдается в литературе на каждом шагу: термином *значение* называют то всю внутреннюю сторону слова (содержание), то ее четвертую часть - лексическое значение (то целое, то часть).

Важнейший компонент содержания слова — лексическое значение. В современной лингвистической литературе существуют разнообразные концепции (определения) значения, которые могут быть сведены к двум основным - структуральной (релятивистской) и отражательной (субстанциональной). Отражательная концепция значения является ведущей. Согласно этой концепции, значение есть отражение (идеальный образ, слепок, отпечаток) предмета в человеческом сознании, ассоциированное со звукокомплексом (образом звукокомплекса). Значение есть квант информации, знание о мире. Из этой концепции значения вытекает, что значение совпадает с понятием. Этой точки зрения придерживались и придерживаются Л. С. Выготский, А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова, С. Д. Кацнельсон, Д. П. Горский, Л. О. Резников, Е. К. Войшвилло, Г. В. Колшанский, В. М. Богуславский и многие другие. «Слово яв-

ляется непосредственной действительностью понятия»³⁰, - пишет Л. О. Резников. «Значение слова - это понятие, обозначенное и выраженное звуками данного слова»³¹. «...Значение слова и есть понятие, понятие и есть значение слова»³². Разница между ними заключается в том, что «значение есть мысль об отличительных признаках предмета по отношению к звукосочетанию слова», а понятие «есть мысль об отличительных признаках предмета по отношению к предмету реального мира»³³. Их абсолютные признаки совпадают, а относительные — различаются. Можно сказать, что лексическое значение — это бытовое понятие, закрепленное за звукокомплексом, это вербализованное понятие.

Некоторые языковеды настаивают на том, что значения и понятия - величины самостоятельные. Но если это так, то мы должны будем допустить существование в нашем сознании двух параллельных рядов отражений одних и тех же предметов объективного мира: ЛЗ «дом» - понятие «дом», ЛЗ «кот» - понятие «кот», ЛЗ «вода» - понятие «вода» и т. д. до бесконечности. Но это, во-первых, не подтверждается фактами и экспериментами, а во-вторых - противоречит логике, монистическому взгляду на природу и общество, окружающий мир. Един мир - единым должно быть и его отражение в сознании. (Если же еще допустить, что, кроме значений и понятий, в сознании человека имеют место т. н. концепты, то придется считать, что мир отражается в сознании трижды. Но это уже напоминает шизофрению. Представьте себе: вы смотрите в зеркало - и видите в нем два или три своих отражения).

Мои размышления о концепте смотрите в следующем разделе.

³⁰ Резников Л. О. Понятие и слово. - Изд-во ЛГУ 1958. - С. 86.

³¹ Там же. - С. 87.

³² Попов П. С. Значение слова и понятие // Вопр. языкознания. - 1956. - № 6. - С. 46-47.

³³ Зуев С. Т. Значение слова // Науч. тр. / Кубан. гос. ун-т. - 1976. - Вып. 214. - С. 25.

Что такое когнитивная лингвистика

В конце XX и начале XXI в. широкое распространение получила когнитивная наука, исследующая «познавательные (когнитивные) процессы функционирования мозга и механизмы регуляции поведения у человека и животных»³⁴ и включающая в себя ряд областей психологии, нейрофизиологии, антропологии, философии, информатики, лингвистики и других наук. Когнитивная лингвистика исследует «роль языка в обработке и переработке человеческого опыта, в концептуализации и категоризации мира и его членении, в фиксации информации в языковых формах, ее хранении, извлечении из памяти и т. п.»³⁵. «Вместе с *когнитивной психологией* К. л. - одна из гл. наук когнитивного цикла, которые рассматривают язык как гл. когнитивную составляющую среди др. когнитивных способностей человека...»³⁶.

Основным термином когнитивной лингвистики последних двадцати лет стал термин *концепт*.

Определений (точнее, невразумительных и противоречивых описаний) «концепта» очень много, но ни одному концептологу не удалось показать, что «концепт» есть особое по отношению к понятию ментальное образование. Рассмотрим несколько описаний «концепта».

Начнем с работы, претендующей на статус методологической. В статье «Концептология: к становлению подхода» С. Х. Ляпин пишет: «Мы исходим из следующего положения. Когда человек живет, общается, мыслит, действует в мире “понятий”, “образов”, “поведенческих стереотипов”, “ценностей”, “идей” и других тому подобных привычных феноменологических координат своего существования... одновременно на более глубоком уровне бытия он живет, общается, мыслит, действует в мире концептов, по отношению к которым традиционно понимаемые (? - Ю. Ф.) понятия, образы, поведенческие стереотипы и т. д. выступают их частными, проективными, редуцированными формами.

³⁴ Большая российская энциклопедия: в 30 т. - М., 2009. - Т. 14. - С. 398.

³⁵ Там же. - С. 397.

³⁶ Там же.

Последние, тем самым, могут быть истолкованы как вторичные и производные (и в этом смысле “менее действительные”) формообразования человеческого бытия - в - мире; как разнообразные понижения его исходной глубинной симметрии; как знаки, символы, репрезентанты соответствующих концептов³⁷. Как видим, С. Х. Ляпин не доказывает существование концептов, а просто констатирует их наличие: человек живет «в мире концептов». Кроме того, С. Х. Ляпин сообщает, что «понятия, образы, поведенческие стереотипы и т. д.» являются «частными, проективными, редуцированными формами концептов» (? - Ю. Ф.), их «знаками, символами, репрезентантами» (? -Ю. Ф.).

Многие обороты речи в этом тексте не поддаются расшифровке. Что такое «более глубокий уровень бытия»? Что такое «менее глубокий»? И сколько их всего? Что такое «человеческое бытие - в — мире»? Может ли быть «бытие не в мире» («вне мира»)? Можно ли считать, что понятия - это «формообразования бытия»? Можно ли писать, что понятия есть разнообразные понижения исходной глубинной симметрии «бытия - в - мире»? Что такое «исходная глубинная симметрия» «бытия - в - мире»? Можно ли «понизить симметрию»?

Как оценить выражение «...каждое хорошо известное формообразование типа “понятия”, “образа”, “идеи”, “поведенческой нормы” и т. п. в большей или меньшей мере причастно к концепту, несет в себе его генетический и / или функциональный код»?! Что означает «причастность» понятия к концепту? Что такое «код концепта»? Что такое «генетический и / или функциональный код»?

Концепты, говорит А. П. Бабушкин, - это «ментальные образования», «для характеристики которых совершенно недостаточно традиционных терминов “понятие” и “представление”»³⁸. «Мы понимаем концепт как любую дискретную единицу коллек-

³⁷ Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты: науч. тр. Центроконцепта. - Архангельск, 1997. - Вып. 1. - С. 11.

³⁸ Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. - Воронеж, 1996. - С. 95.

тивного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира (а понятие и значение? - Ю. Ф.) и хранится в национальной памяти носителей языка в виде познанного вербально обозначенного субстрата. Концептуальные сущности близки к понятийным, но, учитывая сугубо лингвистический характер нашего исследования, мы предпочитаем говорить о концептах, чтобы избежать философских и логических аллюзий»³⁹. В этом высказывании для нас самое главное - признание, что концепты близки к понятиям. Что и требовалось доказать!

Концепт, говорит И. А. Стернин, - «единица универсального предметного кода»⁴⁰. Но что такое «универсальный предметный код», мы не знаем, а И. А. Стернин не сообщает. «Лексема, - продолжает названный языковед, - обладает семантикой, концепт - содержанием». Но разве «семантика» и «содержание» - не одно и то же? Разве концепт, как и лексема, двусторонняя сущность, имеющая содержание и форму? «Семантика лексем членится на семантические компоненты, содержание концепта - на концептуальные признаки», - говорит И. А. Стернин. По-видимому, сказанное означает, что концепт совпадает с семантикой лексем, с лексическим значением. Но тогда зачем пытаться выдавать концепт за самостоятельную ментальную сущность, особую по отношению к понятию?

«...Концепт, - пишет И. А. Стернин, - представляет собой глубинное (что имеется в виду? - Ю. Ф.) смысловое единство (? - Ю. Ф.), семемы и семантемы представляют собой дифференциальные упорядоченные семантические сущности». Концепт, в отличие от лексического значения, неделим («глубинное смысловое единство»)? Но И. А. Стернин только что сказал, что концепт **членится** на «концептуальные признаки». Компонентному анализу подвергается и значение, и концепт.

Концепт - это то, что мыслится “вместе” (?! - Ю. Ф.), что существует в сознании как некая отдельность (? - Ю. Ф.), обо-

³⁹ Там же.

⁴⁰ Стернин И. А. Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. - Тамбов, 1999. - Вып. 2. - С. 69.

значенная единицей универсально-предметного кода» (а чуть раньше И. А. Стернин написал, что сам концепт есть «единица универсального предметного кода»); семема - это «часть концептуальных признаков...».

Концепт, считает С. Г. Воркачев, - это «синтезирующее (? - Ю. Ф.) лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению (?! - Ю. Ф.) и включившее их в себя (? - Ю. Ф.) в “снятом”, редуцированном виде - своего рода “гипероним” (Колесов 2002: 122) последних (?! - Ю. Ф.). В качестве “законного наследника” этих семиотических категорий (?! - Ю. Ф.) лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью (?! - Ю. Ф.), принимаемая от понятия дискурсивность представления смысла (? - Ю. Ф.), от образа - метафоричность и эмотивность этого (? - Ю. Ф.) представления (? - Ю. Ф.), а от значения - включенность его имени (? - Ю. Ф.) в лексическую систему языка»⁴¹. Все эти положения не выдерживают никакой, самой либеральной критики.

С. Г. Воркачев называет концепт «лингвоментальным образованием». Однако если концепт «включил» в себя образ, понятие и значение, являющиеся ментальными образованиями, то он сам должен считаться не «лингвоментальным», а ментальным образованием. Не случайно говорят о вербализации концепта, о вербализованных и невербализованных концептах.

Если концепт «пришел на смену образу, понятию и значению» (уже пришел, и ничего изменить нельзя!), то наука должна отказаться от терминов *образ*, *понятие* и *значение*, сдать их в архив и полностью перейти на термин *концепт*. Однако философы, логики и психологи, большинство лингвистов, социологи, историки, математики, физики, химики, биологи, физиологи и представители всех других наук, напротив, вообще не пользуются термином *концепт*. Для обозначения единицы сознания (мышления) ученые всегда пользовались и пользуются общенаучным термином *понятие*.

⁴¹ Воркачев С. Г. От лингвоконцептологии к лингвоидеологии: поиски метода // *Vita in lingua*: к юбилею профессора С. Г. Воркачева: сб. ст. - Краснодар, 2007. - С. 42.

С. Г. Воркачев пишет, что концепт пришел на смену образу, понятию и значению «методологически», т. е. по требованию определенной методологии. Какой? Такой методологии нет. Самое же главное - это то, что новый термин должен появляться в связи с обнаружением нового факта, явления, денотата, понятия.

С. Г. Воркачев утверждает, что концепт «пришел на смену» образу, понятию и значению и в то же время «включил» их в себя. Но эти утверждения несовместимы.

Как вообще понять выражение «концепт включил в себя образ, понятие и значение»? Образ, понятие и значение перестали существовать? Онтологически? Гносеологически? Терминологически? Или «образ, понятие и значение» существуют теперь в рамках концепта?

Одно из значений слова *образ* - «понятие». Если понимать слово *образ* в этом значении, то триада С. Г. Воркачева получает вид «понятие, понятие и значение».

Наконец, как понять выражение «принимая от понятия дискурсивность представления смысла (?! - Ю. Ф.), от образа - метафоричность и эмотивность этого представления (? - Ю. Ф.), а от значения — включенность (? - Ю. Ф.) его имени (“имя значения”?! - Ю. Ф.) в лексическую систему языка»? Кстати, в лексическую систему включено «имя значения» или слово (слово в целом)? Принято говорить «имя предмета», но не «имя значения».

Не поддаются осмыслению «концептологические» статьи В. В. Колесова⁴². Приведем отдельные высказывания этого автора.

Концепт - это идея, представление, внутренняя форма и т. д. (1995₁, с. 135), это «объем понятия» (1992, с. 33), это производящее слово (1995₁, с. 136). «...Мы устанавливаем основную единицу ментальности - концепт данной культуры, который в границах

⁴² Колесов В. В. Концепт культуры: образ - понятие - символ // Вестн. С.-Петербург, ун-та. Сер. 2. - 1992. - Вып. 3 (№ 16). - С. 30-39; его же. Ментальная характеристика слова в лексикологических трудах В. В. Виноградова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. - 1995. - № 3. - С. 130-139; его же. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет: сб. науч. тр. - Петрозаводск, 1995. - С. 13-24.

словесного знака и языка в целом предстает (как явление) в своих содержательных формах - как образ, как понятие и как символ» (1995, с. 15). «Концептуальное значение» манифестируется в образе, понятии, символе и концепте (1992, с. 33). Концепт - это «"зародыш; зернышко", из которого произрастают все эти содержательные формы его воплощения» (1995, с. 15). Это «этапы развертывания смысла» (1992, с. 35). «Эквивалент концепта» - «первоначальное конкретное представление в виде образа» (1995, с. 135). «Концепт выражает со-значения "национального колорита", т. е. все принципиально возможные значения в символично-смысловой функции языка...» (1995, с. 16). «...Концепт образуется и функционирует в силовом поле между значением слова и смыслом понятия, где значение слова - отношение словесного знака к содержанию понятия, его сигнификат, а смысл понятия - отношение объема понятия к референту» (1995, с. 16). Концепт — «это инвариант всех возможных его "значений", данный как **отношение** смысла слова к вещи» (1995, с. 16). Свойства концепта: «постоянство существования», «художественная образность, т. е. сохранение постоянной связи с производными по однозначному корню, в результате чего **сохраняется семантический синкретизм** значений корня как семантический инвариант всей словообразовательной модели и продолжается **встроенность в систему идеальных компонентов** данной культуры», «**общеобязательность**» (1995, с. 16; выделено В. В. Колесовым). «Понятие отрицает образ, но символ, в свою очередь, отрицает понятие, и вновь - в пользу образа, представляя символ как знак знака. Семантический синкретизм концепта в образе оформляется, а в понятии анализируется, в символе предстает уже как единство "мысли-чувства", и поэтому может замещать и понятие, и образ; понятийный образ, или образное понятие» (1995, с. 16). «...Как понятие выявляет образ в его законченных границах, так и символ делает понятным понятие, а все они вместе, т. е. образ, понятие и символ, позволяют опосредованно и по различным признакам, сохраняющим исходное свое содержание, в конце концов осознать и концепт, который, согласно своим признакам (не отражает ни референта, ни денотата), **есть то, что его нет** - конечно, не содержательно, а в форме» (1992,

с. 35-36; выделено В. В. Колесовым). «...Можно воссоздать концепт, объективируя его по следу (треку) его движения в преобразованиях форм, через образ, понятие, символ. Культурный концепт в современном его виде... создан исторически путем мысленного наведения на резкость понятийного объема (денотат через понятие) и содержания (сигнификат через образ и символ)» (1992, с. 35-36). «Итак, концепт - исходная точка семантического наполнения слова... и одновременно - конечный предел развития... тогда как понятие - исторически момент снятия с накопленных сознанием образов сущностной характеристики, которая немедленно сбрасывается... в символы, в свою очередь, служащие для соединения, связи между миром природным (образы) и миром культурным (понятия)» (1992, с. 35-36). «Концепт - резервуар смысла...» (1992, с. 37). «Значение... изменяется», но «сохраняется концепт, а именно постоянство исходного конкретного образа - случайность причины и неизбежность вины» (1995, с. 137). «Сам концепт не имеет формы, ибо он и есть “внутренняя форма”...» (1992, с. 37). Такой вид имеет «концепция» «концепта» у В. В. Колесова.

Выдвинута странная точка зрения, согласно которой «*концепт* и *понятие* — термины разных наук»⁴³: термин *понятие*, полагает Ю. С. Степанов, употребляется главным образом в логике и философии, а термин *концепт* - в математической логике и культурологии. «Концепт - это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека»⁴⁴. Концепты, говорит Ю. С. Степанов, - это понятия культуры. «...Колличество их невелико, четыре - пять десятков...»⁴⁵.

Как можно оценить эту точку зрения?

Во-первых, «концепт» - это **понятие**, что и требовалось доказать. Термины *понятие* и *концепт* различаются не содержательно, а по сфере употребления.

⁴³ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. - М., 1997. - С. 40.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. - С. 7.

Во-вторых, не удовлетворяет определение концепта: «как бы сгусток культуры». Слово *сгусток* имеет значение «плотная масса, комок, выделившиеся из раствора; перен. сосредоточение, концентрация чего-л.», слово *культура* - «все искусственно созданное, сотворенное человеком в противоположность естественному, природному»⁴⁶, а слово *как бы* выражает приблизительное подобие, сходство. Если мы теперь вспомним, что дефиниция - это «точное логическое определение, содержащее наиболее существенные признаки определяемого предмета», то поймем, что слова «как бы сгусток культуры» никак не могут претендовать на статус дефиниции.

В-третьих, вряд ли верно то, что термин *понятие* употребляется главным образом в логике и философии, а термин *концепт* - в математической логике и культурологии. Как показывают материалы всех толковых словарей, энциклопедий и тысяч томов научной литературы, термин *понятие* является практически универсальным. Его используют во всех областях знания и в быту.

В-четвертых, как можно утверждать, что культура насчитывает всего 40-50 понятий?! Вспомним, что культура - это «все искусственно созданное, сотворенное человеком в противоположность естественному, природному», это «надприродная сфера человеческого бытия»⁴⁷. Говорят о материальной и духовной культуре. К материальной культуре относят «всю сферу материальной деятельности и ее результаты (орудия труда, жилища, предметы повседневного обихода, одежда, средства транспорта и связи и др.). Духовная К. охватывает сферу сознания, духовного производства (познание, нравственность, воспитание и просвещение, включая право, философию, этику, эстетику, науку, искусство, литературу, мифологию, религию)»⁴⁸. Ясно, что понятий культуры не 40-50, а десятки и сотни тысяч. В «концептологической» литературе уже упомянуты и так или иначе охарактеризованы сотни (если не тысячи) разнообразных концептов, среди которых преобладают понятия культуры (философии и этики).

⁴⁶ Новая философская энциклопедия: в 4 т. - М., 2001. - Т. 2. - С. 341.

⁴⁷ Новая философская энциклопедия: в 4 т. - М., 2001. - Т. 2. - С. 342.

⁴⁸ Большая советская энциклопедия. - 3-е изд. - М., 1973. - Т. 13. - С. 596.

Добавим, что на другой странице своего словаря Ю. С. Степанов интерпретирует термины *концепт* и *понятие* (а также *значение* и *смысл*) иначе: «...термином *концепт* называют лишь **содержание** понятия; таким образом, термин *концепт* становится синонимичным термину *смысл*. В то время как термин *значение* становится синонимичным термину **объем понятия**. Говоря проще, *значение* слова - это тот предмет или те предметы, к которым это слово правильно, в соответствии с нормами языка применимо, а *концепт* - это смысл слова»⁴⁹. Все это очень далеко от истины! В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 1990 года Ю. С. Степанов давал правильную трактовку терминов *понятие*, *значение* и *концепт*: «П. (концепт) - явление того же порядка, что и значение слова, рассматриваемое в несколько иной системе связей: значение - в системе языка, П. - в системе логич. отношений и форм, исследуемых как в яз-знании, так и в логике»⁵⁰. (Сейчас обычно говорят, что значение - это вербализованное понятие.)

Ю. С. Степанов был прав в 1990 году, но глубоко неправ в 1997 (2001 и 2004) году.

Кстати, «Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова - вовсе не словарь, а собрание нескольких эссе, содержащих этимологические справки о том или ином конкретном слове, сведения из области культуры, истории, социологии, этики, эстетики, поэтики, литературы и других видов искусства. Слова (понятия), включенные в «словарь» (*слово, вера, любовь, радость, воля, правда, истина, партийность, знание, наука, число, счет, письмо, алфавит, деньги, бизнес, закон, интеллигенция, человек, личность, душа, совесть, отцы и дети, дом, уют, вечность, страх, тоска, язык* и нек. др.), носят случайный характер. Выражение «ключевые понятия культуры» не может служить надежным критерием выделения «констант». К константам культуры можно отнести очень большое число понятий.

⁴⁹ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001. – С. 44.

⁵⁰ Степанов Ю. С. Понятие // Лингвистический энциклопедический словарь. – С. 384.

В «Кратком словаре когнитивных терминов» мы читаем: «**Концепт...** — термин, служащий объяснению (?! — Ю. Ф.) единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры (? - Ю. Ф.), которая отражает знание (? - Ю. Ф.) и опыт человека; оперативная содержательная единица **памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга** (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике»⁵¹. Но что такое «единица ментальных или психических ресурсов (разве ментальный и психический не дублируют друг друга? — Ю. Ф.) нашего сознания (слово «ресурсов» - лишнее. - Ю. Ф.) и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» (знание само есть отражение!)? Это понятие! Если единица сознания - это понятие, то концепт - «термин, служащий объяснению» понятия. Но разве новый, непривычный термин может объяснить старый, традиционный, привычный и понятный? Он как раз сам нуждается в объяснении. Кроме того, термин объясняют с помощью дефиниции — развернутого определения (описания денотата).

Чувство неудовлетворенности вызывает статья «Концепт» в «Большой российской энциклопедии»⁵² (В. А. Пищальникова).

Многочисленные определения (описания) «концепта» невразумительны, непонятны, вызывают вопросы, на которые нет ответа⁵³. Слабость концептологических построений осознают и сами концептологи. Например, М. В. Пименова и О. Н. Кондратьева вынуждены признать: «...до сих пор отсутствует однозначное толкование термина **концепт**, существует значительное количество дискуссионных вопросов, связанных с теорией концептов: о статусе концепта, его структуре, особенностях вербализации, соотношении концепта и понятия, концепта и значения, а также о типологии концептов.... существует ли концепт для любого сло-

⁵¹ Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. - М., 1996. С. 90.

⁵² М., 2009. - Т. 14. - С. 173-174.

⁵³ Совсем иначе трактуется термин концепт в «Новой российской энциклопедии» (в 12 т. Т. 8. М., 2011. С. 311): «В философии Нового времени К. был замещен понятием с его однозначностью и конвенциональной значимостью».

ва»⁵⁴. «...В современной когнитивной лингвистике, - продолжают З. Д. Попова и И. А. Стернин, - наблюдаются многочисленные противоречивые подходы, большой разброс в понимании основных терминов, недостаточная определенность в самом предмете когнитивной лингвистики, неясность в методах и т. д.»⁵⁵. В. А. Виноградов пишет: «...есть ... в триумфальном шествии концептуалистики тревожные ноты: круг концептуального анализа постоянно расширяется, охватывая целые тематические разряды лексики, т. е. количество концептов растет геометрически. И невольно возникает опасение, что тем самым размывается грань между концептуальным анализом и собственно лексикологией (и ономаσιологией? - Ю. Ф.). Может быть, для лексикологии быть пропущенной через когнитивное осмысление означает повышение ее научного ранга, но для концептуального анализа это определенно девальвация. Будучи растворен в лексикологии, он теряет значимость особого когнитивного подхода к реконструкции культурных смыслов, ибо не может концептосфера культуры состоять из двухсот тысяч компонентов. Концепт - единица более емкая, чем лексема, и концептологический анализ ориентирован на культуру, тогда как лексикологический - на язык»⁵⁶.

Продолжая мысль В. А. Виноградова о девальвации концептуалистики, И. К. Архипов говорит: «Действительно, ее девальвация проявляется в том, что от западных границ России до восточных на всех уровнях - от студенческого до академического - звучит один и тот же мотив: концепт (имярек) в языке (имярек) в период (имярек) или истории языка.

⁵⁴ Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие. - М., 2011. - С. 92.

⁵⁵ Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. - 3-е изд. - Воронеж, 2003. - С. 4. См. также: Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. - М., 2007. - С. 3-4.

⁵⁶ Виноградов В. А. Вступительное слово при открытии круглого стола «Концептуальный анализ языка: современные направления исследования» // Концептуальный анализ языка: современ, направления исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Кубрякова Е. С. - М.; Калуга, 2007. - С. 5-6.

А результат? Он сводится в общем случае к тому, собственно лингвистическая часть исследования оказывается на проверку анализом лексических и прочих языковых средств, выражающих содержание, выводимое из мозаики соответствующих значений слов, использованных для объяснений. Работы, как правило, завершаются довольно банальными констатациями того, что каждому содержанию - свой набор средств выражения. Незамысловатость цели и простота исполнения приводят к положению в данной области нашей науки, которое директор Института языкознания РАН В. А. Виноградов в своем выступлении на Круглом столе по когнитологии в ноябре 2006 г. справедливо охарактеризовал как «щелканье семечек»⁵⁷.

«Странной... кажется напористость массового «наступления» на концепты, если сопоставить сложность их природы и наличие соответствующих научных кадров необходимой квалификации. Действительно, оказывается, для анализа всего 22 «констант» русской культуры, отраженных в русском языке, нужно почти 1000 страниц [Степанов 2001]. ...Автор использует неограниченно богатую палитру исторических, этимологических и художественных (литературных, изобразительных) средств», - говорит И. К. Архипов. Характеристики концептов у Ю. С. Степанова (а также С. Г. Воркачева и других) представляют собой очерки, в которых имеют место исторические, философские, культурологические и другие сведения. Это не лингвистика, а создаваемая Ю. С. Степановым, как он сам говорит, «всеобщая гуманитарная наука, или новая всеобщая антропология, объединяющая разные виды искусств и разделы наук о них»⁵⁸. К «всеобщей гуманитарной науке» Ю. С. Степанов отнес философию, логику, словесность, поэтику, живопись, ваение, зодчество и науки о них, музыку и музыковедение. Строго говоря, в этот список нужно было бы включить историю (всеобщую, историю

⁵⁷ Архипов И. К. Природа концепта и методы его изучения // Концептуальный анализ языка: соврем, направления исследования: сб. науч. тр. - С. 33.

⁵⁸ Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. -М., 2007. - С. 13.

Франции, Германии, Испании и т. д.), социологию, этику, эстетику, экономику (Испании, Италии, Великобритании и т. д.), танец, театр, кино, психологию (с ее многочисленными разделами) и другие науки, дисциплины, области знания. Однако построить «всеобщую гуманитарную науку», включающую в себя всю громаду знаний об обществе, невозможно. «...В одну телегу впрячь не можно Коня и трепетную лань». Да, «Константы...» и «Концепты...» - это не лингвистика.

Не доказав существование концептов как особой по отношению к значению и понятию ментальной сущности, начали создавать их типологии. Например, А. П. Бабушкин выделяет 8 типов концептов («мыслительные картинки, схемы, гиперонимы и логически сконструированные концепты, фреймы, инсайты, сценарии и “калейдоскопические концепты”»⁵⁹), а В. Я. Мыркин - («ощущения», «образы», «представления - обобщенные образы», «гештальты - сложные образы», «фреймы - структура типичной ситуации или тематического поля», «сценарий - последовательность элементов типичной ситуации», «диаграмма, эскиз, формула», «понятие - мысленный концепт, содержащий необходимые и характерные черты явления», «пропозиция — понятия в характеризующих друг друга связях»⁶⁰). Но являются ли эти типологии типологиями? Ведь они лишены единого основания! По меньшей мере требуют специального анализа и оправдания такие понятия, как «схемы», «фреймы», «сценарии», «скрипты», «мыслительные картинки», «гиперонимы», «логически сконструированные концепты», «инсайты», «калейдоскопические концепты», «гештальты», «диаграммы», «эскизы», «формулы», «мысленные концепты», «пропозиции» и др. Разнообразие этих типологий свидетельствует об их неадекватности. К сказанному нельзя не добавить, что содержание человеческого сознания, его единицы - это епархия психологии, философии и логики, а не лингвистики!

⁵⁹ См.: Бабушкин А. П. Указ. соч. - С. 95.

⁶⁰ Мыркин В. Я. Введение в языкознание: учеб. - Архангельск, 2005. - С. 291.

Свою типологию (типологии) концептов предлагают М. В. Пименова и О. Н. Кондратьева. На первом этапе выделяются три понятийных (категориальных) класса концептов: базовые, дескрипторы и релятивы. Базовые концепты делятся на космические, социальные и психические (духовные). Космические концепты включают в свой состав следующие субклассы: концепты метеорологические, биологические, ландшафтные и предметные. Класс социальных концептов образуют: политические (в том числе идеологические) концепты, концепты социального статуса, концепты национальности, власти и управления, интернациональных отношений, моральные (этические) концепты, концепты занятий и религиозные концепты. Класс психических (духовных) концептов формируют концепты внутреннего мира: концепты характера, эмоций, ментальные концепты и концепты волеизъявлений.⁶¹ Другие типологии концептов: исконные и заимствованные, развивающиеся и застывшие, постоянные и трансформировавшиеся, первичные и производные, ведущие, ключевые и второстепенные, постоянно актуальные, неактуальные и переменные⁶². За концептами волеизъявления в списке М. В. Пименной и О. Н. Кондратьевой идет нулевой концепт, не имеющий противочлена. Что это такое? Это, говорят наши авторы, «слово (слово! -Ю. Ф.), не выражающее никакого смысла для носителя языка...»⁶³.

Просматривая перечень концептов в книге М. В. Пименной и О. Н. Кондратьевой, понимаешь, что они относят к ком-

⁶¹ Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Указ. соч. - С. 96-99. Более подробный список этих концептов дан в: Пименова М. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. - С. 82-90.

⁶² Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Указ. соч. - С. 101-106.

⁶³ Там же. - С. 100. Здесь имеет место странный классификационный сбой. До сих пор М. В. Пименова и О. Н. Кондратьева перечисляли и классифицировали концепты (понятия) целого ряда гуманитарных наук, входящие в концептосферу русского народа (или всего человечества), а теперь перешли на языковую компетенцию того или иного конкретного человека, который может не владеть конкретным словом (или лексическим значением того или иного слова). Принять понятие «нулевого концепта» невозможно. Добавим, что концепт это не слово, а слово - это не концепт.

петенции концептологической лингвистики огромную часть концептосферы современного общества - не только все гуманитарные, но и многие естественные науки, т. е. фактически предлагают считать когнитивную лингвистику универсальной наукой⁶⁴. Согласиться с этим невозможно. С этим не согласятся ни метеорологи, ни биологи, ни представители других разнообразных наук о природе, ни социологи, ни политологи, ни философы, ни психологи, ни педагоги, ни логики, ни религиоведы... У каждой науки - свой фрагмент объективной действительности, свой участок огромного поля знаний, своя совокупность понятий (концептов). Свой объект изучения есть и у лингвистики. Это язык (языки). Когнитивная лингвистика должна изучать не концептосферу народа, не всю совокупность накопленных обществом знаний, не «знания о мире и человеке, ... [не] процессы концептуализации действительности, механизмы формирования концептуальной картины мира...», а роль языка «в обработке ... человеческого опыта, ... в фиксации информации в языковых формах...»⁶⁵, в обслуживании потребностей мышления. Лингвистика не должна подменять собой психологию, логику и философию, а также многочисленные гуманитарные и естественные науки. Лингвистика не может претендовать на статус сверхнауки.

«Когнитология - философско-психологическая, а не лингвистическая наука». «...Лингвистика, психоллингвистика, когнитивная лингвистика вносят свой существенный вклад в изучение концептов национального сознания, ... но не имеют концепты предметом своей науки», — писал в 2000 году И. А. Стернин (Концепты — предмет исследования какой науки? // Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII международ. симп. по психоллингвистике и теории коммуникации, Москва, 1-3 июня 2000 г. - М., 2000. - С. 240).

⁶⁴ Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Указ. соч. – С. 22

⁶⁵ Большая российская энциклопедия: В 30 т. - Т. 14. - С. 398.

Вызывает возражения характеристика способов выражения концептов. Например, З. Д. Попова и И. А. Стернин считают, что концепты репрезентируются «готовыми лексемами и фразеосочетаниями», «свободными словосочетаниями», «структурными и позиционными (? -Ю. Ф.) схемами предложений», «пословицами, поговорками, афоризмами», «ассоциативными полями слов», «текстами и совокупностями текстов»⁶⁶. Верно только первое! Ни свободные словосочетания, ни схемы предложений, ни пословицы и афоризмы, ни ассоциативные поля, ни тексты и совокупности текстов не выражают стационарные, воспроизводимые понятия. Это настолько очевидно, что не требует доказательств.

Растет число языковедов, понимающих всю уязвимость построений современных когнитивных лингвистов. А. Г. Сонин назвал свою статью, посвященную критике когнитивной лингвистики, «Концепт как объект лингвистики: движение за границу научности»⁶⁷. В современной лингвистике, говорит он, резко «снизилась значимость таких базовых атрибутов научного освоения мира, как объективность и рациональность». В центре современной когнитивной лингвистики оказываются не поддающиеся наблюдению и экспериментальной проверке «гипотетические ментальные структуры» (концепты), «выдумывание» которых «становится основным направлением деятельности». Свои положения когнитивисты не подтверждают ни фактами, ни экспериментами, довольствуясь интроспекцией и интуицией. Интуиция, однако, не может «дать четкий ответ на вопрос о содержании и границах отдельного концепта, выступающего для лингвистов-когнитологов содержанием языковой единицы». «Концепт оказывается внутренне неисчерпаемым объектом, что дискредитирует такую модель, как научный конструкт, поддающийся фальсификации...». «Отсюда неиссякаемый поток различных исследований (включая диссертационные сочинения), в которых через анализ языкового материала изучаются так называемые фрагменты концептосферы человека». «... Вопрос об истинности решается не экспериментом, а администра-

⁶⁶ Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание. - С. 151.

⁶⁷ Русский язык в школе. - 2011. - № 5. - С. 64-70.

тивным ресурсом и искусством ведения PR-активности». Сопоставление современной когнитивной лингвистики с классическим языкознанием «дает все основания говорить о закате лингвистики как науки ... и ее замене специфической риторикой, в которой преобладают “мнения и верования”».

Ю. А. Сорокин задает вопрос: «Надежен ли теоретический багаж когнитивной лингвистики?»⁶⁸. И отвечает: Нет! «Первая неясность связана с предметом изучения...» «Вторая неясность связана с расплывчатостью и сущностным соотношением таких опорных точек теоретического отсчета, как концепт, фрейм, сценарий, скрипт, план и т. д. Но особенно непрозрачно истолкование понятия схемы...». «Не лучшим образом обстоит дело с соотношением *прототипа* и *концепта*, *концепта* и *категоризации*, *категории* и *образа*». «Третья неясность связана с неразличением когнитивистами видов понимания - семантизирующего, когнитивного и распредмечивающего...» «...Концепт - это квазиметодологическая категория». Е. Б. Трофимова в статье «Всехозность, порождающая бесхозность, или лингвистическая терминология на современном этапе»⁶⁹ справедливо упрекает концептологов в «стремлении запугать себя и других».

Подведем итоги.

Современная когнитивная лингвистика до сих пор не смогла охарактеризовать свой предмет, свои цели и задачи, методы анализа. Ее базовый термин - *концепт*. Однако когнитивисты не сумели дать конкретное, точное, научное толкование этого понятия. Все характеристики, присваиваемые когнитивистами «концептам» («кванты, единицы знания», «строительные элементы концептуальной системы», «категории», «идеи», «значения», «смыслы») - это характеристики понятия. Е. С. Кубрякова прямо пишет:

⁶⁸ Сорокин Ю. А. Две дискуссионные реплики по поводу когнитивного «бума» // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. - Волгоград, 2003. - Ч. 1. - С. 292.

⁶⁹ Языковая картина мира: лингвист, и культурологич. аспекты: материалы II Международ. науч.-практ. конф. (22-24 сент. 2004 г.). - Бийск, 2004. - Т. 2. - С. 122.

«Правильнее было бы, наверно, говорить о концептах как соотносительных со значением слова понятиях...»⁷⁰. «Концепт есть понятие, поименованное языком в виде лексического значения слова...»⁷¹, - говорит Н. Ю. Шведова. С. Г. Воркачев признает: «... Так и остается неясным, является ли концепт формой понятия, представления или значения, либо же это нечто качественно от них отличное, тем более что в реальном текстовом употреблении очень часто концепт, понятие и значение функционируют как синонимы, замещая друг друга во избежание монотонного повторения»⁷². Но если в реальных текстах термины *концепт* и *понятие* синонимизируются, то их и следует продолжать использовать как синонимы.

Глубоко ошибочной, перечеркивающей все традиционные представления является точка зрения концептологов, полагающих, что концепты вербализуются не только с помощью слов и фразеологических оборотов, но и с помощью «свободных словосочетаний», «структурных и позиционных (? - Ю. Ф.) схем предложений», «поговорок, поговорок, афоризмов», «ассоциативных полей слов», «текстов и совокупности текстов» (?! - Ю. Ф.). Средство вербализации понятия должно быть стационарной, воспроизводимой номинативной единицей языка.

Не выдерживают никакой критики многочисленные и нестыкующиеся «типологии» концептов.

Концептологи относят к компетенции когнитивной лингвистики все концепты (понятия) культуры (а М. В. Пименова и О. Н. Кондратьева - еще и «метеорологические», «биологические», «ландшафтные» и «предметные» концепты). Но если мы будем помнить, что культура — это «все искусственно созданное, сотворенное человеком в противоположность естественному, природному», что материальная культура охватывает «всю сферу матери-

⁷⁰ Е. С. Кубрякова и др. Краткий словарь когнитивных терминов. - С. 90.

⁷¹ Шведова Н. Ю. К определению концепта как предмета языкознания // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-кор. РАН Юрия Николаевича Караулова: сб. ст. - М., 2006. - С. 506.

⁷² Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологич. анализа. - Краснодар, 2002. - С. 11.

альной деятельности и ее результаты», а духовная культура - «сферу сознания, духовного производства (познание, нравственность, воспитание и просвещение, включая право, философию, этику, эстетику, науку, искусство, литературу, мифологию, религию)», то мы поймем, что концептологи относят к компетенции когнитивной лингвистики все содержание человеческого сознания, всю концептосферу общества, т. е. - фактически - предлагают считать когнитивную лингвистику универсальной наукой, единой наукой о природе, обществе и человеке. Согласиться с этим невозможно. Когнитивная лингвистика должна изучать не концептосферу общества, а, как пишет «Большая российская энциклопедия», «роль языка в обработке ... человеческого опыта, ... в фиксации информации в языковых формах...». «...Главной задачей КЛ по-прежнему остается определение тайны и природы **значения...**», - пишет Е. С. Кубрякова⁷³ (с которой в данном случае нельзя не согласиться). В составном термине *когнитивная лингвистика* главный компонент все же *лингвистика*, а основной объект когнитивной лингвистики - язык и его единицы, а не единицы сознания и не обширные массивы знания, относящегося к философии, психологии, этике, социологии, эстетике, а тем более к физике, химии, метеорологии и т. д., и т. д., и т. д. Когнитивная лингвистика не нуждается в термине *концепт*. Она вполне может «обойтись» традиционным, общенаучным, исконным, всем известным термином *понятие*. А термин *концепт* использовать как его синоним.

«Когнитивная лингвистика, - пишет С. Г. Шулежкова, - до сих пор не может быть признана наукой с четкой терминологией, ясно очерченным предметом исследования и адекватным методом анализа своего неоднозначно трактуемого объекта. Отсюда постоянная путаница между понятиями *концептосфера* и *языковая система*, *концепт* и *значение слова*, с одной стороны; и отсюда смешение когнитивнолингвистических и психолингви-

⁷³ Кубрякова Е. С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. - Тамбов, 2006. - С. 31.

стических, когнитивнолингвистических и социоллингвистических (а также лингвокультурологических и этнолингвистических) явлений. Для того, чтобы это чрезвычайно модное, привлекательное для множества, особенно молодых, ученых лингвистическое направление выдержало испытание временем, оно должно «самоопределиться»: установить границы собственно лингвистики внутри когнитологии, уточнить свои основные понятия, сузить и конкретизировать предмет исследования, выработать адекватные своему объекту процедурные приемы анализа, «выяснить отношения» с психоллингвистикой, лингвокультурологией, этнолингвистикой, функциональной лингвистикой и другими смежными науками»⁷⁴.

О типах лексических значений⁷⁵

Первой работой, посвященной типам лексических значений, была статья В. В. Виноградова «Основные типы лексических значений слова» (1953), в которой автор выделил: 1) свободные (прямые, номинативные и номинативно-производные), фразеологически связанные, 3) функционально-синтаксически ограниченные (или закрепленные), а также 4) конструктивно организованные или конструктивно обусловленные значения. Эта типология имеет целый ряд недостатков, которые следует назвать. Во-первых, эта классификация лишена единого основания. Во-вторых, в ней отсутствует огромное число типов лексических значений, которые давно известны лингвистике (и которые мы ниже назовем).

В-третьих, некоторые типы значений (и их наименования) вызывают возражения. В. В. Виноградов пишет: «Своеобразный тип значений синтаксически обусловленного характера формируется в словах, за которыми закрепляется строго определенная функция в составе предложения». В этом высказывании неправильно характеризуются взаимоотношения между значением и

⁷⁴ Шулежкова С. Г. История лингвистических учений: учеб. пособие. - 2-е изд., испр. и доп. - М., 2006. - С. 380.

⁷⁵ Там же. - С. 79-84.

его функцией: не функция обуславливает значение (тип значения), а значение — функцию. Эта мысль в неявном виде присутствует и у В. В. Виноградова, назвавшего значения слов типа *орел*, *пестух* и *ворона* предикативно-характеризующими (или просто характеризующими). Если слово имеет характеризующее значение, то оно обнаруживает склонность к употреблению в функции сказуемого (предиката). Но не наоборот: слово может выступить в функции сказуемого, но не иметь предикативно-характеризующего значения. Напр.: *Мой друг — металлург*. Слово *металлург* использовано здесь в функции сказуемого, но эта функция не «породила» в слове характеризующее значение (Он какой?).

Кроме «синтаксически обусловленных», В. В. Виноградов выделил также «конструктивно организованные (обусловленные) значения», т. е. значения, связанные с той или иной моделью управления (*отдать + кому*, *взять + у кого*), значения, сама дифференциация которых «всцело зависит от форм их сочетаемости с другими словами». К «конструктивно организованным (обусловленным)» В. В. Виноградов относил значения, предполагающие при себе зависимую падежную (предложно-падежную) форму, например *отозваться + на просьбу*. Если же при данном значении падежная (предложно-падежная) форма не употребляется (напр.: *Никто не отозвался*), то это значение, по мнению В. В. Виноградова, не относится к типу «конструктивно организованных (обусловленных)». Как же его назвать? У В. В. Виноградова искомого названия нет. Напрашивается термин «конструктивно не организованные (не обусловленные)». Однако нулевая валентность (сочетаемость) слова - это тоже валентность. Употребление слова без зависимой падежной формы - это тоже употребление в определенной конструкции, о чем прямо сказано и в статье В. В. Виноградова⁷⁶. Иначе говоря, каждое слово в любом лексическом значении имеет ту или иную сочетаемость (в том числе и нулевую), употребляется в той или иной синтаксической конструкции, в том или ином синтаксическом окружении

⁷⁶ Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопр. языкознания. - 1953. - № 5. - С. 27.

Самое же главное возражение вызывает тезис об обусловленности значения слова его окружением, управлением, синтаксическими свойствами. Как мы уже сказали, не синтаксическое окружение обуславливает лексическое значение слова, а, наоборот, лексическое значение слова обуславливает его синтаксическое поведение.

Как видим, типология лексических значений В. В. Виноградова имеет много недостатков и не должна использоваться в практике преподавания. Характеризуя эту типологию, В. А. Звегинцев писал: она «оказалась настолько путаной и взаимопересекающейся, что была абсолютно неспособной выдержать испытание практикой»⁷⁷.

Не выдерживает критики типология значений, используемая в работах структурального направления под влиянием семиотики Ч. Пирса, типология, включающая в свой состав денотативное, сигнификативное и структурное значения. Обстоятельную критику этой типологии читатель найдет в «Мифах современной лингвистики».

Какой же вид должна иметь современная типология значений?

Все многочисленные лексические значения русского языка можно разделить на две обширные группы - значения, обладающие абсолютными, и значения, обладающие относительными свойствами.

Абсолютными свойствами словесного значения являются такие свойства, которые не зависят от отношений данного значения с другими значениями, от его места в системе, а определяются внеязыковой действительностью. Абсолютный характер имеют, например, такие свойства лексического значения, как конкретность и абстрактность. Конкретность значения «камень» («кусочек, обломок твердой горной породы») определяется не входением в какую-либо оппозицию, а конкретностью предмета, отражаемого этим значением.

⁷⁷ Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. - М., 1968. - С. 56.

Относительными (релятивными) свойствами лексического значения являются такие свойства, которые целиком определяются его взаимоотношениями с другими значениями, его местом в системе, его «членством» в той или иной оппозиции. Относительный характер имеют, например, главные и второстепенные значения, поскольку они предполагают друг друга и невозможны друг без друга; относительный характер имеет переносное значение, поскольку оно существует лишь в оппозиции прямому.

Абсолютными свойствами обладают следующие типы значений: номинативные – неноминативные, конкретные – абстрактные, терминологические – нетерминологические, нейтральные – эмоциональные, межстилевые – стилистически окрашенные, актуальные – неактуальные, литературные – областные. Относительными свойствами обладают следующие типы значений: производящие – производные, главные – второстепенные, прямые – переносные, мотивирующие – мотивированные, синонимичные и антонимичные, а также, по-видимому, свободные и связанные. Диахроническая семасиология оперирует еще понятиями и терминами *этимологические значения – современные значения, первичные (исходные) – вторичные значения*.

Неноминативные значения, в свою очередь, делятся на дейктические (указательные), модальные, комбинационные и сигнальные. Антонимичные значения могут находиться в рамках одного слова. Такое явление называется *энантисемией*. Неактуальные значения делятся на устарелые и неологические. Связанные значения делятся на фразеологически и синтаксически связанные.

В вузовской аудитории эту типологию можно упростить и предлагать студентам следующие типы значений: номинативные – неноминативные, конкретные – абстрактные, производящие – производные, главные – второстепенные, прямые – переносные, свободные и связанные.

Кроме лексических, выделяют еще словообразовательные значения. Словообразовательное значение – это значение слово-

образовательной модели (образца), по которой сконструировано слово. По мнению А. И. Моисеева, это «семантическое соотношение между производным словом и его производящим...».

О так называемом «фонетическом» значении

Какие единицы (элементы) языка имеют значения? Значения имеют слова - основные единицы языка, единицы языка в строгом смысле этого термина. Значения слов (лексем) принято называть лексическими. Лексические значения понятийны и связаны с номинативной функцией, выполняемой словом.

Значения имеют фразеологические обороты (по крайней мере сращения и единства), многие из которых находятся в синонимических отношениях со словами: *кот заплакал — мало, так и сyak - по-разному, уйти из жизни - умереть*.

Значения имеют и морфемы (корневые и аффиксальные, словообразующие и формообразующие). Однако их значения качественно отличаются от значений слов. Морфема не выражает понятие и не выполняет номинативную функцию, т. е. не называет предмет. «...Значения морфем, - говорит В. М. Солнцев, - ассоциативны, т. е. морфемы не выражают отдельных понятий, но указывают на некоторую значимую или понятийную область»⁷⁸. Например, морфема *красн* указывает на что-то «красное», связанное с «красный», «красота», «краснеть».

Что касается звука (фонемы), то он не имеет значения, не отражает и не называет предмет. Фонема, - пишет «Лингвистический энциклопедический словарь», - «осн. незначимая единица языка, связанная со смысловоразличением лишь косвенно»⁷⁹.

⁷⁸ Соянцев В. М. Язык как системно-структурное образование. - 2-е изд., доп. - М., 1977. - С. 117.

⁷⁹ Лингвистический энциклопедический словарь. - С. 552.

Фонему лучше называть элементом. Но главное - это то, что она - «незначимая единица языка». Это положение является в лингвистике фундаментальным.

Однако в последние годы отдельные языковеды пытаются опровергнуть это положение, утвердить в лингвистике понятие «фонетического значения». Так, А. П. Журавлев уверяет: «...не только слова, но и звуки речи несут в себе какую-то информацию, какой-то скрытый смысл»⁸⁰. (Заметим, что слова имеют не «какой-то скрытый смысл», а определенное, «открытое», осознаваемое каждым носителем языка значение, а звуки не имеют даже «скрытого» смысла.) Но тут же поправляется: «Эта фонетическая значимость (“значимость”, а не “значение”; но что это такое, А. П. Журавлев не сообщает; однако ясно, что значение звук не имеет. - Ю. Ф.), конечно, совсем не то, что привычное для нас лексическое значение слова. (Но если “фонетическое значение” (“значимость”) совсем не то, что привычное для нас лексическое значение, то почему А. П. Журавлев называет его значением? Разные сущности должны обозначаться разными терминами. - Ю. Ф.) Лексическое значение соотносится с понятием, с предметом. Есть предмет под названием *стол*, есть действие, которое мы обозначаем словом *бежать*, есть признак, который обозначается словом *большой*, и т. д. А фонетическая, звуковая значимость — лишь впечатление от звука. (Термин *впечатление* не разъясняет суть дела. В словаре это слово характеризуется так: “образ, след, отражение, оставляемые в сознании человека предметами и явлениями внешнего мира”. При таком понимании этого слова оно принципиально не отличается от слова *значение*, и понятие “фонетическое значение” оказывается необъясненным.) Нет предмета под названием Р, нет действия по имени Д, нет качества, которое бы называлось Ы. Звуковая значимость не связана с понятием, мы не можем объяснить значимость звука Ф, как это делается в словаре для слова *дом*. Можно только экспериментально выявить “коллективные впечатления” от звука Ф и описать эти впечатления с помощью оценочных признаков. (Почему именно оценочных? И как это понять? - Ю. Ф.) Например,

⁸⁰ Журавлев А. П. Звук и смысл: кн. для внеклас. чтения учащихся ст. клас-сов. - 2-е изд., испр. и доп. - М., 1991. - С. 3.

звук А производит впечатление чего-то хорошего, большого, мужественного, светлого, активного, простого, сильного, красивого, гладкого, легкого, безопасного, величественного, яркого, округлого, радостного, громкого, длинного, храброго, доброго, могучего. Звук Ф получает иные характеристики: плохой, грубый, темный, пассивный, отталкивающий, шероховатый, тяжелый, грустный, страшный, тусклый, печальный, тихий, трусливый, злой, хилый, медлительный»⁸¹.

«Все обнаруженные (не обнаруженные, а просто приписанные! -Ю. Ф.) у звуков признаки нужно понимать так, что впечатления от звуков как-то соотносятся с впечатлениями о предметах и явлениях»⁸²; звуки «вызывают у нас вполне определенные, устойчивые и в общем для всех сходные впечатления незвукового свойства»⁸³.

Весь этот процитированный нами фрагмент из книги А. П. Журавлева поражает своим субъективизмом и бездоказательностью. А. П. Журавлев не говорит: «Попробуем выдвинуть предположение, что звуки, как морфемы и слова, тоже имеют значения». Он уверенно, без колебаний заявляет: «Звуки речи несут какую-то информацию, имеют значения». И перечисляет значения звуков А (их 20) и Ф (их 16).

«Звуковая значимость не связана с понятием», - пишет А. П. Журавлев. И одновременно говорит: «...впечатления от звуков как-то соотносятся с впечатлениями о предметах и явлениях» (правда, о каких предметах, А. П. Журавлев не сообщает и, вероятно, сообщить не может); звуки «вызывают у нас вполне определенные, устойчивые и в общем для всех сходные впечатления незвукового свойства». Но впечатления незвукового характера - это впечатления предметного, понятийного свойства. Иначе говоря, «звуковая значимость» оказывается связанной с понятием. Таким образом, А. П. Журавлев не может свести концы с концами.

⁸¹ Журавлев А. П. Указ. соч. - С. 18.

⁸² Там же

⁸³ Там же. - С. 17

А. П. Журавлеву не удалось доказать существование «фонетических значений». Все эти длинные перечни оценочных прилагательных, которые якобы характеризуют «значения» звуков, есть плод воспаленного воображения нашего фонетиста. Ни один носитель языка не повторит ни один перечень А. П. Журавлева. Невозможно доказать, что звук А, к примеру, «мужественный» («бесстрашный, храбрый, никого и ничего не боится»), «сильный» («с накачанными мускулами»), «легкий» (?), «безопасный» (?!), «округлый» (?), «радостный» (?), «храбрый» (?!), «добрый» (?) и т. д.

А. П. Журавлев приписал звукам русского языка значения типа значений прилагательных. А почему он не приписывает звукам значения типа значений существительных и глаголов? Напр.: «троллейбус», «подлодка», «флейта» и т. д.; «ходить», «писать», «творить» и т. д. Вообще «значения» звуков покрывают все концептуальное пространство русского общества (народа) или его часть? А. П. Журавлев не дает ответа.

Известно, что слова строятся из морфем (правда, иногда и из фонем), а значения слов - из значений морфем (хотя значения многих слов не представляют собой арифметическую сумму значений морфем). Есть все основания предполагать (хотя А. П. Журавлев просто обходит эту тему), что «значения звуков» (если на минуту согласиться с их реальностью) входят в значения морфем (и слов). Из этого предположения вытекает, что значение слова, состоящего из одного звука, равно «значению» этого звука, а значение слова, состоящего из нескольких звуков, должно представлять собой сумму «значений» этих звуков. Например, союз *a* состоит из одного звука *a*, имеющего 20 указанных выше «значений». Но его собственное, лексическое значение - значение противопоставления, а не «значение» «хороший», или «большой», или «мужественный» и т. д. Слово *учительница* имеет значение «женщина-учитель», которое невозможно представить как сумму «значений» звуков $y + ч + и + т + e + л + ь + н + и + ц + a$. Кроме того, «значения» звуков, вошедших в «многозначное» слово, могут

взаимно исключать друг друга. Например, в слове *фа* звук Ф имеет «значение» «плохой», а звук А - «хороший». Я уж не говорю о том, что путем сложения «значений» звуков Ф и А невозможно получить значение слова *фа* («четвертый звук музыкальной гаммы, начинающейся с “до”, а также нота, обозначающая этот звук»). Однако этой стороны дела (имеющей принципиальное значение) А. П. Журавлев не касается. Он, правда, пишет, что значения имеют не только звуки, но и их сочетания. Однако куда он клонит, неясно.

Сказанного вполне достаточно для того, чтобы понять абсурдность гипотезы «фонетического значения». Но перечень контраргументов не завершен. Гипотеза «фонетического значения» противоречит многочисленным фактам языка (что признает и сам А. П. Журавлев) и аксиомам современного языкознания.

А. П. Журавлев утверждает, что «звук А производит впечатление чего-то хорошего, большого, мужественного, светлого, активного, простого, сильного, красивого, гладкого, легкого, безопасного, величественного, яркого, округлого, радостного, громкого, длинного, храброго, доброго, могучего». Как понимать этот перечень? Все эти «значения» свойственны звуку А одновременно? Это «многозначный» звук? Но «значения» эти очень разные и не могут совмещаться друг с другом в рамках одной единицы (звука). Как можно, например, совместить значения «радостный» и «длинный», «громкий» и «добрый», «безопасный» и «округлый»? Если в звуковую оболочку слова входит звук *а*, то, очевидно, он должен вносить в слово все свои «значения». Но они (по крайней мере, многие из них) несовместимы. Если А. П. Журавлев прав, то звук *а* должен иметь все перечисленные «значения» во всех словах русского языка. Однако факты не подтверждают это предположение: значения «хорошее» нет в словах *гад*, *дурак*, *рак* и мн. др.; значения «большое» нет в словах *мальш*, *ранка*, *рамка* и мн. др.; значения «мужественное» нет в словах *рама*, *сани*, *вар* и мн. др.; значения «светлое» нет в словах *мрак*, *кран*, *палка* и мн. др.; значения «активное» нет в словах *старый*, *вата*, *гараж* и мн. др. И так до конца этого списка.

А. П. Журавлев сам называет факты языка, с которыми несовместима его гипотеза. Например, по мнению А. П. Журавлева, звук Р обозначает быстрое или резкое движение (?). Однако в языке есть слова, обозначающие быстрое или резкое движение и не содержащие «звук Р: *мчаться, нестись, скакать, лавина* и др.»⁸⁴.

«...Значение слова может измениться вплоть до противоположного, а звучание останется прежним. Таких случаев в любом языке сколько угодно. Например, в древнем языке, общем для всех славян, слово *уродливый* обозначало “хорошо уродившийся”, но теперь в русском языке *урод* имеет значение “человек с некрасивой, безобразной внешностью”, а в польском языке *uroda* - “красота”. Где же здесь связь звука и смысла?

Слова-омонимы звучат одинаково, но имеют разные значения: *ключ* - отмычка и *ключ* - родник; *лук* — оружие и *лук* — растение. Слова-синонимы, наоборот, звучат по-разному, но их значения близки: *аэроплан, самолет, лайнер; маленький, крошечный, миниатюрный, мизерный*⁸⁵.

А сходно звучащие слова в разных языках? Разве они будут обозначать (обозначают. - Ю. Ф.) одно и то же? Конечно, нет. Первые слова, которые начинает произносить русский ребенок, - это чаще всего *мама, папа, баба, дедка*. Представьте себе, что и грузинский ребенок начинает овладение речью с этих же слов. Но для русского и грузина эти слова при сходном звучании имеют совершенно различные значения. По-грузински *мама* означает “папа”, *дедка* означает “мама”, а *бабуа* - это “дедушка”, которого в некоторых грузинских говорах называют *папа*.

Казалось бы, аргументы, убийственные для идеи о соответствии значений и звучаний слов»⁸⁶. Казалось бы, ясно: гипотезу о «фонетическом значении» нужно сдать в архив. Но нет. А. П. Жу-

⁸⁴ Журавлев А. П. Указ. соч. - С. 7.

⁸⁵ А как быть со словами типа кот – ток – кто, т. е. словами, построенными из одних и тех же фонем, но по-разному расположенных? Со словами типа мука - мука, т. е. словами, состоящими из одних и тех же фонем, но различающимися местом ударения?

⁸⁶ Журавлев А. П. Указ. соч. - С. 7.

равлев, опровергнув свою гипотезу, продолжает ее отстаивать (?!). Продолжим свой анализ и мы.

А. П. Журавлев оперирует понятием звука, а не фонемы, но не объясняет этот выбор. Более того. Он заменяет понятие звука понятием «звукобуквы», «потому что, - говорит А. П. Журавлев, - мы не осознаем отдельно звука или отдельно буквы, а воспринимаем единый звукобуквенный образ»⁸⁷. Однако, во-первых, носитель языка (не говоря уж о лингвисте) различает звук и букву уже в первом классе (*валы* - *волы*). Во-вторых, есть неграмотные люди, не владеющие буквами, но владеющие звуками. В-третьих, нельзя ставить знак равенства между языком и его графическим «костюмом». В-четвертых, отношения между звуками и буквами в процессе развития языка изменяются. В связи с этим можно просто упомянуть длительное использование в русском письме букв «юс большой», «юс малый» и «ять». В-пятых, звуки существуют всегда, а буквы (письмо, письменность) появляются намного позднее. В-шестых, у бесписьменных народов вообще нет букв и, значит, не может быть такого монстра, как «звукобуквы». Кроме того, говорит А. П. Журавлев, бывают «случаи, когда могут возникнуть недоразумения. Тогда уж придется уточнять, что имеется в виду: “чистый” звук, “чистая” буква или звукобуква»⁸⁸. Вот так: А. П. Журавлев обнаруживает «фонетическое (звуковое) значение» не у звука, а у «чистой» буквы!

А. П. Журавлев не высказывается по поводу того, какие «значения» имеют одни и те же звуки в разных языках — одинаковые или разные. По его «логике», кажется, одинаковые. Но тогда могло ли иметь место множество языков?

Если бы значения морфем и - далее - слов складывались из «значений» звуков, то носители языка овладевали бы значениями слов почти автоматически. Но в реальности этого нет. Человек овладевает значениями слов с немалым трудом, поскольку между названием и предметом нет природной, естественной связи.

⁸⁷ Журавлев А. П. Указ. соч. - С. 12.

⁸⁸ Там же.

⁸⁸ Там же. - С. 28.

А. П. Журавлев утверждает, что значение слова имеет три слоя: «понятийное ядро», «признаковый аспект» и «фонетическую значимость»⁸⁹. Что он называет «признаковым значением» («признаковой оболочкой»)? Это «тот аспект значения слова, который можно охарактеризовать путем перечисления признаков»⁹⁰. «Ведь каждый предмет, каждое понятие можно... охарактеризовать с помощью признаков. Если вас попросят подобрать (? - Ю. Ф.) ряд признаков для (? - Ю. Ф.) того же быка, то вы, наверное (? - Ю. Ф.), скажете, что он “большой”, “сильный”, “быстрый” и т. п., а для белки подойдут (? - Ю. Ф.) другие признаки - “маленькая”, “легкая”, “подвижная” и т. п.»⁹¹. Но ведь все перечисленные признаки - признаки денотата (быка и белки), и отражающие их смыслы входят в «понятийное ядро» значения слов! Таким образом, выделять особый «признаковый аспект» в значении слова нет никаких оснований. «Наконец, - продолжает А. П. Журавлев, - фонетическая значимость создает некий туманный, расплывчатый ореол вокруг признаковой оболочки. Это очень неопределенный аспект значения, который нами почти не осознается (! - Ю. Ф.). Лишь иногда в словах звукоподражательного и звукоизобразительного характера (NB! — Ю. Ф.) мы чувствуем “давление” звучания на значение. (Кстати, если “фонетическая значимость” - часть значения, то она не может оказывать давление на значение, т. е. на саму себя. - Ю. Ф.) Например, слова *кукушка*, *хрюшка*, *кряква* и т. п. звуками речи подражают крикам животных и птиц. Звучание слов *гром*, *храп*, *рык*, *рев*, *гул*, *шепот*, *шелест*, *шорох* и т. п. как бы изображает называемые звуки. Слова *мямля*, *хрыч*, *хляк*, *дылда* и т. п. создают некий звуковой образ, соответствующий характеристике названного так человека.

В таких случаях фонетическая значимость почти сливается с признаковой оболочкой, так как само звучание слова подсказывает признаковую оценку того, что этим словом обозначено»⁹². Но

⁸⁹ Там же. - С. 28

⁹⁰ Там же. - С. 29

⁹¹ Журавлев А. П. Указ. соч. - С. 27.

⁹² Там же. - С. 29 Журавлев А. П. Указ. соч. - С. 18.

звукоподражание и «фонетическое значение» - совершенно разные вещи. Звуки, из которых состоят звукоподражательные слова, сами по себе, каждый в отдельности не имеют значения. Например, не имеют значения звуки, входящие в состав слова *кукушка* (к, у, а). Звукоподражательное слово - это именно слово, а не звук или механическая сумма, группа звуков. И оно имеет не «фонетическое» («фонетические»), а лексическое, понятийное значение, такое же, как и у всех остальных слов (например, *воробей, грач, орел, вода, трава, земля*, и т. п.). Значение слова *кукушка* - «обычное» лексическое значение, получающее в словарях следующее толкование: «лесная перелетная птица, обычно не вьющая своего гнезда, кладущая яйца в чужое гнездо и издающая крик “ку-ку”». Это значение ничем не отличается от значения незвукоподражательного слова, например *грач* («птица сем. вороновых с черным, отливающим в блеск оперением»).

Звуки первоначального языка (языков), вероятно, в той или иной степени отражали естественные звучания окружающей природы, но и это не было тем, что А. П. Журавлев называет «фонетическим значением». О «фонетических значениях» в современном языке говорить невозможно.

На с. 28 А. П. Журавлев отделяет «фонетическую значимость» от «признакового аспекта», а на с. 18 предлагает описывать впечатления от звука «с помощью оценочных признаков», т. е. сливает «признаковый аспект» и «фонетическую значимость». Таким образом, и «признаковый аспект», и «фонетическая значимость» оказываются фикцией.

Сравним «фонетическое значение» с лексическим по другому параметру. Лексическое значение все носители языка осознают без всяких экспериментов. «Фонетическое» же значение, говорит А. П. Журавлев, «можно только экспериментально выявить»⁹³. Однако если «фонетическое значение» не осознается, то о его реальности говорить нельзя: ведь значение – факт языкового сознания. Однако реальность «фонетического значения» А. П. Журавлев не доказал и экспериментально.

⁹³ Журавлев А. П. Указ. соч. - С. 18

Известно, что экспериментатор должен пытаться экспериментально извлечь информацию из сознания (подсознания) информантов, а не навязывать ее последним. А. П. Журавлев поступает наоборот: вместо того чтобы **спросить** информантов о наличии / отсутствии фонетического значения, он **информирует** их о том, будто бы звуки русского (и любого) языка имеют значение.

«Значения» звуков русского языка А. П. Журавлев решил описывать с помощью 25 пар антонимов. По его мнению, звуки русского языка могут быть «хорошими» и «плохими», «большими» и «маленькими», «нежными» и «грубыми», «женственными» и «мужественными», «светлыми» и «темными», «активными» и «пассивными», «простыми» и «сложными», «сильными» и «слабыми», «горячими» и «холодными», «быстрыми» и «медленными», «красивыми» и «отталкивающими», «гладкими» и «шероховатыми», «легкими» и «тяжелыми», «веселыми» и «грустными», «безопасными» и «страшными», «величественными» и «низменными», «яркими» и «тусклыми», «округлыми» и «угловатыми», «радостными» и «печальными», «громкими» и «тихими», «длинными» и «короткими», «храбрыми» и «трусливыми», «добрыми» и «злыми», «могучими» и «хилыми», «подвижными» и «медлительными». Информанты (студенты) должны дать оценку каждому звуку, руководствуясь не **своим чувством языка**, а предложенным им произвольным перечнем антонимов. Вот как выглядит инструкция А. П. Журавлева для шкалы «светлый» - «темный»: «На ваших листах записана шкала, с помощью которой вы будете оценивать звуки и буквы, которые я буду произносить и показывать. Если вам почему-либо кажется, что данный звук “очень светлый”, то вы приписываете ему оценку 1, если кажется, что звук “очень темный”, приписываете оценку 5. Соответственно ставьте и другие оценки шкалы. Если звук не кажется вам ни “светлым”, ни “темным”, ставьте оценку 3. Старайтесь не раздумывать, а ставить первые пришедшие в голову оценки»⁹⁴.

⁹⁴ Журавлев А. П. Указ. соч. - С. 13.

Как видим, «информант» лишен права выбора (т. е. не является информантом): каждый звук он обязан признать имеющим признак «светлый / темный». Он не может сказать: «Я не считаю звуки ни светлыми, ни темными. Звуки нельзя характеризовать с этой точки зрения»; или: «Этот звук обозначает траву / леща / льва / камень / гнев / ходить / радоваться» и т. д.; или «Звуки не имеют никаких значений». Понятно, что эксперимент А. П. Журавлева совершенно некорректен.

Некорректность своего эксперимента выдает сам А. П. Журавлев. Он пишет: «Почти всегда информанты спрашивают:

- А что значит “светлый” или “темный”?
- Не знаю, — отвечает экспериментатор.
- А как же ставить оценки?
- Ставьте, как хотите.
- Ну хорошо, будем ставить наугад.

Экспериментатор соглашается: “Что ж, ставьте наугад”⁹⁵.

«Информанты, сами того не ведая, - говорит А. П. Журавлев, - “измеряют” то, чего не знают!

Действительно, - простодушно замечает А. П. Журавлев, - представьте себе, что мы просто задали участникам эксперимента вопрос: “Какие впечатления вызывает у вас звук Д?” Ясно, что ответы будут самыми разными и уловить что-то общее в этом множестве ответов будет очень трудно. А с помощью измерительной шкалы легко можно определить “усредненное мнение” информантов...”⁹⁶. Чтобы А. П. Журавлеву было легко, он не идет на поводу у информантов и сам дает им ту информацию, которую якобы хочет у них получить.

Как же следовало бы сформулировать вопрос по поводу «фонетического значения»? Очевидно, так: «Как вы думаете, имеют ли звуки значения? И если имеют, то какие?».

Совершенно непонятно, почему А. П. Журавлев принял решение описывать «фонетические значения» с помощью 25, а не 27,

⁹⁵ Журавлев А. П. Указ. соч. - С. 13

⁹⁶ Там же.

125, 1025 пар антонимов?! Ведь в языке антонимических пар значительно больше 25⁹⁷. Многие «фонетические значения», придуманные А. П. Журавлевым («активные» и «пассивные», «простые» и «сложные», «гладкие» и «шероховатые», «безопасные» и «страшные», «величественные» и «низменные», «округлые» и «угловатые», «длинные» и «короткие», «храбрые» и «трусливые», «добрые» и «злые», «могучие» и «хилые», «подвижные» и «медлительные» и др.), вызывают только улыбку. Если звукам приписаны «значения» типа «трусливые», то почему им нельзя приписать значения типа «воспитанный» и «невоспитанный», «умный» и «глупый», «верх» - «низ», «небо» - «земля», «ящик», «карандаш», «протест», «ходить», «искать» и т. д.? Построения А. П. Журавлева - произвол чистой воды.

Случайно ли то, что А. П. Журавлев анализирует главным образом художественные, а не деловые и научные тексты, художественную, а не деловую и научную, конкретную, а не абстрактную лексику?

Чтобы доказать адекватность гипотезы «фонетического значения», нужно доказать неадекватность концепции произвольности (немотивированности) языкового знака, являющейся краеугольным камнем современной лингвистики. Сделать это, однако, невозможно.

Доказать реальность «фонетического значения» А. П. Журавлеву не удалось.

Какой должна быть типология речевых ошибок?

Двумя главными болевыми точками современного школьного курса русского языка являются трактовка словосочетания и типология речевых ошибок. Современная средняя (и высшая) школа вслед за В. В. Виноградовым предлагает учащимся считать синтаксическое (свободное) словосочетание единицей языка, хотя оно не обладает признаком цельности, устойчивости, вос-

⁹⁷ См.: Тимофеев Л. «Жмуря левый глаз» // ЛГ. - 1979. - 4 июля. - С. 6.

производимости и номинативности, не существует до предложения и вне предложения и не является для него строительным материалом, т. е. единицей языка не является. Трактовка свободного словосочетания как несвободного вызывает в сознании учащихся тяжелое ощущение непреодолимого противоречия, искажения реального положения вещей. Школьник думает: «Мне предлагают считать единицей языка свободную группировку слов, извлеченную из предложения. Почему?! Ведь учить нужно тому, что есть! Я давно и хорошо знаю, что предложение строится из слов!». Самый тяжелый урон мы наносим учащимся тогда, когда искажаем реальное положение вещей.

Другая болевая точка современного школьного курса русского языка - это типология речевых ошибок.

Как это ни прискорбно, в настоящее время в практике школьного преподавания русского языка используется типология речевых ошибок, предложенная В. И. Капинос (1973, 1980, 1986 и др.). Эта классификация имеет следующий вид: орфографические, пунктуационные и грамматические ошибки, речевые недочеты и ошибки в содержании (*l*, *v*, *g*, *p* и *c*). Каковы недостатки этой классификации?

Во-первых, не сформулирован и фактически отсутствует принцип классификации.

Во-вторых, эта классификация не соответствует правилам логики: выделяемые в ней понятия перекрывают друг друга. Орфографические, пунктуационные и грамматические ошибки, как и «речевые недочеты», являются следствием нарушения норм языка, имеют место в речи и тоже являются речевыми ошибками⁹⁸. Понятие «речевой» является не видовым, а родовым. (Ошибки в содержании, очевидно, не относятся к числу речевых. Но В. И. Капинос обходит эту тему молчанием.)

⁹⁸ Вызывает улыбку название следующей статьи В. И. Капинос: О критериях оценки речи и об ошибках, грамматических и речевых // Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку: (Сб. ст. из опыта работы): Пособие для учителя. - 2-е изд., перераб. - М., 1986. - С. 78-88. Грамматические ошибки - это разновидность ошибок речевых.

Речевой недочет В. И. Капинос определяет как «нарушение требований богатства, точности и выразительности речи»⁹⁹. «... Речевой недочет связан с неудачным употреблением правильно образованных слов или предложений»¹⁰⁰. По поводу этой характеристики можно сказать следующее. Нарушения требования точности порождают не стилистические ошибки и не «речевые недочеты», а фактические ошибки. Требования богатства и выразительности (образности) речи - это требования стилистики. Следовательно, отступления от этих требований должны характеризоваться не размытым, неопределенным термином «речевые недочеты», а конкретным, определенным термином *стилистические ошибки*. Невозможно согласиться с выражением «неудачное употребление правильно образованных слов или предложений». Что такое «правильно образованные слова»? Разве слова делятся на «правильно» или «неправильно» образованные? Разве в речи слова образуются, а не воспроизводятся? Что значит «неудачное (неправильное?» - Ю. Ф.) употребление правильно образованных слов и предложений»? «Или» или «и»?

Еще больше недоуменных вопросов возникает у нас тогда, когда мы знакомимся с разновидностями «речевых недочетов», фигурирующими в статьях В. И. Капинос. «Наиболее типичными для речи детей, - пишет В. И. Капинос, - являются следующие речевые недочеты: 1) Употребление слова в несвойственном ему значении: “Чтобы быть грамотным и с большим жаргоном слов, надо много читать”. 2) Нарушения лексической сочетаемости: “дешевые цены” (вместо *низкие*); “у девочки были коричневые глаза” (вместо *карие*). 3) Употребление лишнего слова (плеоназм): “Прилетели пернатые птицы”; “негодовал от возмущения”. 4) Употребление рядом (или близко) однокоренных слов (тавтология): “В рассказе “Муму” рассказывается...”; “В образе Ниловны изображена...”. 5) Повторение одного и того же слова: “Недавно я прочла одну интересную книгу. Эта книга называется “Никогда

⁹⁹ Капинос В. И. Об оценке речевых навыков учащихся // Рус. яз. в школе. - 1973. - № 6. - С. 75.

¹⁰⁰ Там же.

не угаснет...”. В этой книге рассказывается...”. 6) Употребление слова (или выражения) иной стилевой окраски: “Попечитель богоугодных заведений подлизывается к ревизору”. 7) Неудачное употребление экспрессивного, эмоционально окрашенного средства: “У Олега Кошевого были дружки - Иван Земнухов и Сергей Тюленин”. 8) Неоправданное употребление просторечных и диалектных слов и выражений: “На пришкольном участке мы посадили капусту, морковь, бураки”. 9) Смешение лексики разных исторических эпох: “На богатырях кольчуга, брюки, варежки” (в сочинении по картине Васнецова). 10) Неудачное употребление личных и указательных местоимений: “Я вынула книгу из сумки и положила ее на стол” (книгу или сумку?). 11) Неудачный порядок слов: “Есть немало автобиографических произведений, повествующих о детстве автора, в мировой литературе”¹⁰¹. Как видим, к «речевым недочетам» отнесены ошибки лексические (пункты 1, 2, 3, 4, 9 и 10), стилистические (пункты 5, 6, 7 и 8) и синтаксические (пункт 11). Такое смешение разных типов речевых ошибок и, значит, языковых норм дезориентирует учащихся, мешает им твердо усвоить нормы лексики, стилистики и синтаксиса.

Известно, что явления и нормы морфологии и явления и нормы синтаксиса четко различаются не только в высшей, но и в средней школе. И практически, и теоретически. В связи с этим совершенно непонятно, почему В. И. Капинос отказывается от терминов и понятий *морфология* и *синтаксис*, *морфологические* и *синтаксические ошибки* и предлагает учителю и ученику только термин *грамматические ошибки*. Это решение тоже имеет отрицательные последствия. Кроме того, В. И. Капинос относит к грамматическим ошибкам случаи типа «трудолюбимая», «растерчивая», «обитанище». Если эта ошибка грамматическая, то ее нужно признать или морфологической, или синтаксической. Синтаксическая ошибка обнаруживает себя в рамках целого предложения. Применительно к изолированным словам можно говорить только об ошибке морфологической. Но морфологиче-

¹⁰¹ Капинос В. И. Указ. соч. - С. 75-76.

ские ошибки представляют собой нарушения правил образования грамматических форм слов («детьми», «профессоры», «торта») или употребление одной грамматической формы вместо другой («Справка выдается по предъявлению паспорта»). Случаи типа «трудолюбимая» сюда не относятся. Перед нами - факт замены «законной» словообразовательной суффиксальной морфемы «незаконной»¹⁰². Напр.: «рецензисты» (рецензенты), «героичество» (героизм), «благородность» (благородство), «плакун» (плакса), «грузинец» (грузин), «мотовщик» (мот) и т. п. Это так называемое словосочинительство - разновидность лексических (лексико-словообразовательных) ошибок. Следовательно, «трудолюбимая» - не грамматическая, а лексическая (лексико-словообразовательная) ошибка. Действительно, когда школьник пишет «Василиса Премудрая была трудолюбимая», то он обнаруживает незнание морфемной структуры и (отчасти) значения слова.

В-третьих, многие «речевые недочеты» являются не недочетами, а ошибками (что признает и сама В. И. Капинос¹⁰³), причем грубыми: это лексические и грамматические ошибки. Напр.: «Чтобы быть грамотным и с большим жаргоном слов, надо много читать»; «Прилетели пернатые птицы»; «Брат сидел за столом и раскрашивает картинки».

В-четвертых, в этой классификации отсутствуют ошибки произносительные и фразеологические, не упоминаются и не обозначаются ошибки лексические и стилистические.

Таким образом, проанализированная классификация ошибок содержит целый ряд грубых, недопустимых ошибок и не должна использоваться в практике учителя-словесника.

Какой же вид должна иметь научная типология речевых ошибок? Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно сначала определить понятия «язык» и «речь».

¹⁰² А также факт «наращения» лишней суффиксальной морфемы. См.: Фоменко Ю. В. Культура речи. Стилистика. Риторика. - Новосибирск, 2008. - С. 26.

¹⁰³ См.: Капинос В. И. О критериях оценки речи и об ошибках, грамматических и речевых. - С. 86.

Язык - это стихийно возникающая и развивающаяся система знаков, используемая в процессе общения людей. Речь же - это конкретное применение языка с целью общения, это процесс общения с помощью языка, это язык в действии. Человек строит свою речь в соответствии с правилами (нормами) языка. Если в речи соблюдены все правила языка, ее называют правильной. Если в речи есть ошибки, ее называют неправильной. Ошибка - это нарушение правила. Речевая ошибка - это нарушение правила языка. Из этого следует, что типы речевых ошибок должны выделяться в соответствии с правилами (типами правил) языка. В языке существуют правила произношения, лексики, фразеологии, морфологии и синтаксиса, а также орфографии и пунктуации. Отступления от этих правил представляют ошибки произносительные, лексические, фразеологические, морфологические, синтаксические, орфографические и пунктуационные. Кроме только что перечисленных, в языке существуют правила стилистики. Поскольку правила стилистики, в отличие от всех других правил языка, носят не жесткий, рекомендательный характер, их часто предпочитают называть требованиями, принципами, рекомендациями. Отступления от этих правил (рекомендаций) стилистики порождают стилистические ошибки.

Таким образом, мы насчитали 8 типов речевых ошибок: произносительные, лексические, фразеологические, морфологические, синтаксические, орфографические, пунктуационные и стилистические. Кроме этих 8 типов речевых ошибок, в речи встречаются еще ошибки логические и фактические, являющиеся следствием недостаточного знания правил логики и описываемых фактов. Подчеркнем: логические и фактические ошибки имеют место в речи (хотя, по-видимому, и не только в речи), но не являются собственно речевыми, поскольку - повторим - речевые ошибки являются нарушением правил **языка**.

В результате мы получаем следующую таблицу речевых ошибок:

Правила языка		Типы ошибок		
правила	произношения	произносительные	ошибки	(Пр)
»	лексики	лексические	»	(Л)
»	фразеологии	фразеологические	»	(Фраз)
»	морфологии	морфологические	»	(М)
»	синтаксиса	синтаксические	»	(С)
»	орфографии	орфографические	»	(О)
»	пунктуации	пунктуационные	»	(П)
»	стилистики	стилистические	»	(Ст)
правила	логики	логические	»	(Лог)
знание	фактов	фактические	»	(Ф)

Эту типологию можно считать необходимой и достаточной. Все выделенные типы ошибок действительно встречаются в речи. В то же время в речи нельзя встретить такую ошибку, которая бы не нашла отражение в нашей классификации.

Предложенную типологию можно было бы усложнить, выделив ошибки собственно речевые и несобственно речевые (логические и фактические); ошибки, имеющие место только в письменной речи (орфографические и пунктуационные), только в устной речи (произносительные; впрочем, произносительные ошибки часто отражаются и на письме; например: «транвай», «заглянем») и в любой форме речи (остальные). Можно было бы включить в эту типологию разновидности каждого типа ошибок, но это сделало бы такую типологию фактически необозримой и неусвояемой. Как говорится, можно, но не нужно.

Ошибки можно также делить на грубые и негрубые. Грубая (непозволительная, недопустимая) ошибка - это нарушение жесткого правила, охватывающего все однородные факты или касающегося единичного, но высокочастотного явления (например: «вада», «пекём», «матеря», «более умнее», «всувай», «Лифты остановлены перед пыткой на два дня», «Метелица закобенился

и не стал отвечать на вопросы» и т. п.). Негрубая (т. е. такая, с которой легче примириться) ошибка - это нарушение нежесткого правила (прежде всего - таких рекомендаций стилистики, как рекомендации доступности, краткости, благозвучия и своеобразия) или правила, касающегося отдельного, малочастотного, периферийного факта языка, в частности непроверяемых написаний (например: «спанталыку», «котовасия», «коровай» и т. п.)¹⁰⁴.

Некоторые выводы методологического характера

Анализ обширной современной лингвистической литературы вынуждает сделать вывод о серьезном неблагополучии в лингвистике. Последняя утопает в ошибочных трактовках, противоречивых утверждениях. Язык, уверяют нас, «саморазвивается». «Саморазвивается» даже правописание! А некоторые включают в этот ряд тексты и совокупности текстов! Языковые знаки делят на знаки «первичного означивания» и знаки «вторичного означивания», на знаки «полные» и «неполные», «виртуальные (потенциальные)» и «актуальные», «законченные» и «незаконченные». Термином *значение* называют и все содержание слова, включающее 4 компонента (ЛЗ, ЭОК, СК и ГЗ), и только один его компонент (ЛЗ). Единицу сознания называют то традиционным термином *понятие*, то все более входящим в моду термином *концепт*, который стал знаменем современной когнитивной лингвистики. Последняя, с одной стороны, претендует на доминирующее положение в языкознании, с другой - не определила свой предмет, границы компетенции, цели и задачи, понятия и термины, специфические методы, не «выяснила отношения» со смежными дисциплинами, т. е. не сформировалась как самостоятельная наука. Предлагают считать полисемию фикцией, лексикографическим конструктором. Продолжают удерживать «типологию» лексических значений В. В. Виноградова. Предлагают ввести в лингвистику

¹⁰⁴ Более подробно об этом см. в: Фоменко Ю. В. Типы речевых ошибок. Новосибирск, 1994. - 60 с.; Его же. Культура речи. Стилистика. Риторика. - Новосибирск, 2008. - С. 6-19.

понятие «фонетического значения», противоречащее теории немотивированности языкового знака и многим постулатам современного языкознания. Приписывают контексту порождающую силу. Уверяют, что между подлежащим и сказуемым имеют место отношения координации. Навязывают учителям-словесникам «типологию» ошибок В. И. Капинос, не выдерживающую никакой критики и самым негативным образом сказывающуюся на лингвистической подготовке школьников.

Как известно, наука — это сфера человеческой деятельности, задачей которой является выработка и систематизация объективных знаний о природе, обществе и человеке. Знание - это продукт познавательной деятельности, копия, снимок окружающего мира. Из этого следует, что определяющим качеством знания является его адекватность, т. е. соответствие отражаемым фактам. Другой признак знания - его логическая непротиворечивость, согласованность частей. Адекватное знание обычно является знанием непротиворечивым. Противоречивость знания доказывает его неадекватность.

Знание имеет форму обыденного и научного знания. Если обыденное знание - это знание об отдельных фактах и их внешних проявлениях, обнаружениях (знание о явлении), то научное знание - это знание всей системы фактов и их сущности. Научное знание формулирует законы и закономерности, действующие в изучаемой области. Обыденное знание оформляется средствами разговорно-бытового языка, а научное знание находит свое выражение в отвлеченной, терминологической лексике, в научных текстах. Обыденное знание рождается на основе непосредственных практических действий человека, а знание научное создается путем использования специально конструируемых средств познания (методов и инструментов исследования). Сравним бытовое и научное знание об электричестве, землетрясении, компьютере.

Элементарный цикл процесса продуцирования научного знания включает несколько взаимосвязанных компонентов: 1) социальная практика с ее разнообразными потребностями; 2) про-

блемная ситуация, детерминированная социальной практикой; 3) проблема; 4) гипотеза; 5) научная теория. Далее цикл повторяется, движение продолжается по спирали.

Существуют два способа верификации знания (гипотезы) - эмпирический и внеэмпирический. Эмпирический способ - это соотнесение с фактами и эксперимент, внеэмпирический способ - сопоставление гипотезы со всей системой понятий и положений данной науки, применение правил формальной логики.

Если филология - наука, то все сказанное о науке имеет прямое отношение к филологии (лингвистике). Однако очень многие филологи совершенно не владеют научной методологией, способами верификации гипотез.

Чаще всего просто говорят: «У каждого есть право на собственное мнение». Да, такое право есть. Но есть и обязанность – подтверждать свое мнение фактами, экспериментами, аксиомами науки и законами логики. Какие же факты дали основания В. Г. Гаку выдвинуть противоестественную гипотезу о том, что предложение (высказывание) выполняет номинативную функцию и является знаком языка? Их нет. (Но есть факты, опровергающие эту гипотезу: высказывание выражает не понятие, а суждение и — соответственно - не обладает признаком воспроизводимости.) Может ли исследователь апеллировать к «самоочевидности» и ставить ее выше фактов, как это делает Н. Ю. Шведова, выдвигая понятие «детерминантов»: «...свободное присоединение детерминанта к предложению в целом самоочевидно и не может быть опровергнуто грамматической возможностью прикрепления такого распространителя к отдельному слову»¹⁰⁵. Чтобы защитить ошибочный взгляд В. В. Виноградова на синтаксическое словосочетание как на единицу языка, С. Г. Тер-Минасова и Н. Б. Гвишиани прибегли к идеологическому «аргументу», назвав гипотезу В. В. Виноградова «советским учением о словосочетании»¹⁰⁶!

¹⁰⁵ Шведова Н. Ю. К спорам о детерминантах // Филол. науки. - 1973. - № 5. - С. 69.

¹⁰⁶ Тер-Минасова С. Г., Гвишиани Н. Б. Можно ли опровергнуть учение о словосочетании? // Филол. науки. - 1977. - № 2. - С. 62.

А как быть с этой гипотезой сейчас, в условиях капиталистической действительности?

Болевая точка современной лингвистики - цитирование. Цитируют единомышленников, коллег, начальников, людей, от которых так или иначе зависят. Специалистов, придерживающихся другой точки зрения, обходят молчанием. Аргументацию оппонентов игнорируют. Просто игнорируют.

Говорят об индексе цитируемости, считая его объективным показателем авторитетности ученого, адекватности его концепции. Между тем практика цитирования насквозь субъективна.

Всякая наука должна иметь выход в практику. Выход в практику должна иметь и лингвистика. Практический выход лингвистики - это успешное обучение языку в школе и вузе, это повышение культуры речи народа. Но успешное обучение родному языку невозможно без научной интерпретации устройства языка и механизма порождения речи. На какой успех могут рассчитывать школьные учителя и вузовские преподаватели, если они исходят из посылки, что свободные словосочетания и даже целые высказывания являются единицами языка, т. е. фактически отвергают творческий характер речепроизводства?! Языковеды и методисты ставят перед собой задачу развивать речь учащихся - и в то же время отрицают ее творческий характер!